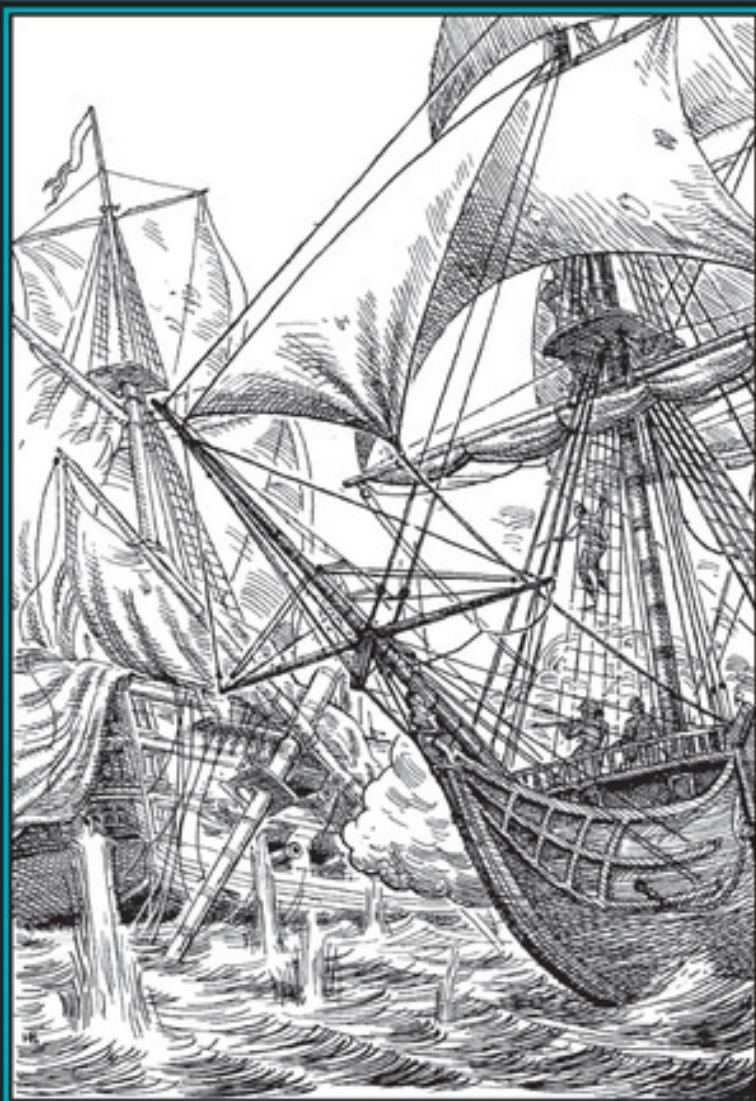

С.С. ФОРЕСТЕР
**ЛИНЕЙНЫЙ
КОРАБЛЬ**

ВЕЧЕ

Хорнблауэр

Сесил Форестер
Линейный корабль

«ВЕЧЕ»

1938

Форестер С. С.

Линейный корабль / С. С. Форестер — «ВЕЧЕ»,
1938 — (Хорнблауэр)

ISBN 978-5-4444-9255-0

Корсиканский тиран снова решил подразнить британского льва. Как следствие – спешный рекрутский набор молодых бойцов на 74-пушечный «Сатерленд» под командованием бесстрашного капитана Горацио Хорнблауэра. Ну какой настоящий британец устоит перед призывом разделить грядущие победы? И хотя желающих нашлось мало, Хорнблауэр, чья личная жизнь на берегу трещит по швам, мечтает только об одном – поскорее уйти в море, а там – будь что будет. Все одно его кораблю назначено стать разменной монетой, острием копья на главной линии атаки. А если повезет выжить – десант на сушу и Каталонская дорога, усеянная виселицами Бонапарта. Перспектива в общем-то неплохая.

ISBN 978-5-4444-9255-0

© Форестер С. С., 1938
© ВЕЧЕ, 1938

Содержание

Глава I	6
Глава II	13
Глава III	16
Глава IV	20
Глава V	23
Глава VI	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сесил Скотт Форестер

Линейный Корабль

© Cassette Productions Ltd, 1938

© Доброхотова-Майкова Е.М., перевод на русский язык, 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Глава I

Капитан Горацио Хорнблауэр держал в руках свежий, только что из типографии, оттиск.

«Ко всем отважным МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ, — читал он на измазанном краской листке, — к МОРЯКАМ и тем, кто еще не ступал на борт КОРАБЛЯ! Ко всем, кто жаждет сражаться за Свободу и Отечество с КОРСИКАНСКИМ ТИРАНОМ, опрометчиво вздумавшим тягаться с БРИТАНСКИМ ЛЬВОМ! Его Величества двухпалубный семидесятичетырехпушечный корабль «Сатерленд» сейчас набирает в Плимуте команду, и на сегодня еще остается несколько вакансий! Кораблем командует капитан Горацио Хорнблауэр, недавно вернувшийся из ПОБЕДОНОСНОГО ПОХОДА в ЮЖНОЕ МОРЕ, где его тридцатишестипушечный фрегат «Лидия» разнес в щепки и потопил испанский двухпалубный корабль «Нативидад», вдвое более мощный. Офицеры, унтер-офицеры и матросы с «Лидии» единодушно последовали за ним на «Сатерленд». Какая МОРСКАЯ ДУША устоит перед призывом разделить ГРЯДУЩИЕ ПОБЕДЫ с командой беззаветных удалцов? Кто докажет наглým мусью, что моря принадлежат БРИТАНИИ и туда не смеет совать нос ни один презренный лягушатник? Кто желает набить карманы трофейными ЗОЛОТЫМИ ЛУИДОРАМИ? Каждый вечер на корабле играют скрипачи и устраиваются танцы, полноценное ПИТАНИЕ, отличный ХЛЕБ, и ГРОГ по БУДНЯМ и в ВОСКРЕСЕНЬЕ, а также жалование, назначенное ЕГО ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ КОРОЛЕМ ГЕОРГОМ! Рядом с местом, где читается это воззвание, доблестный доброволец найдет ОФИЦЕРА с корабля Его Величества «Сатерленд», который и завербует его на СЛАВНОЕ ПОПРИЩЕ».

Хорнблауэр читал, борясь с ощущением собственного бессилия. Такого рода призывы десятками звучат на каждой ярмарочной площади. Где ему залучить рекрутов на скучный линейный корабль, когда по всей стране рыщут в поисках матросов капитаны лихих фрегат-ов, чьи имена говорят сами за себя, а в воззваниях прямо сказано, сколько призовых денег выплачено в прошлую кампанию. Чтобы отправить за добровольцами четырех лейтенантов и десятка два матросов, придется потратить чуть не все скопленное за два года жалование, и как бы эти деньги не оказались выброшены зря.

Но что-то делать надо. С «Лидии» он забрал двести первоклассных матросов. (Афишка умалчивала, что после почти двухлетнего плавания их насильно перевезли на «Сатерленд», не дав даже разок ступить на английскую почву.) И все равно требуется еще пятьдесят опытных моряков, двести новичков и юнг. Портовое управление не нашло ровным счетом никого. Если он не раздобудет людей, то будет отстранен от командования и до конца жизни останется на половинном жалованье — восемь шиллингов в день. Он не знал, насколько угоден Адмиралтейству, и по складу характера склонен был полагать, что его назначение висит на волоске.

Хорнблауэр постучал по оттиску карандашом и чертыхнулся от досады. Глупые, бессмысленные ругательства сорвались с его языка. Но он старался произносить их тихо — за двустворчатой дверью дремала в спальне Мария, будить ее не хотелось. Мария подозревала, что беременна (хотя определенно говорить было еще рано), и ее докучная нежность уже встала Хорнблауэру поперек горла. При мысли о Марии раздражение усилилось: его злил берег, необходимость набирать команду, душная гостиная, утрата вошедшей уже в привычку независимости. Он раздраженно схватил треуголку и потихоньку вышел. В прихожей ждал со шляпой в руке типографский рассыльный. Хорнблауэр вернул ему оттиск, коротко велел напечатать двадцать дюжин и вышел на шумную улицу.

Сборщик податей у ворот на Полупенсовый мост взглянул на мундир и пропустил бесплатно, лодочники на пристани увидели, что идет командир «Сатерленда» и постарались привлечь его внимание – капитаны обычно щедро платили за перевоз вдоль всего устья Теймара. Хорнблауэр забрался в лодку. Он был мрачен и за все время, что гребцы отваливали и вели лодку между стоящими там и сям кораблями, не проронил ни слова. Загребной переложил за щеку жевательный табак и приготовился отпустить какое-нибудь ничего не значащее замечание, но, увидев мрачно нахмуренное чело, осекся и сконфуженно кашлянул. Хорнблауэр, не удостоивший его ни единым взглядом, тем не менее боковым зрением заметил смену чувств на лице загребного и немало позабавился. Он видел, как играют мускулы на загорелых руках. На запястьях – татуировка, в мочке левого уха – золотое кольцо. Прежде чем сделаться лодочником, этот человек явно был моряком.

Хорнблауэр страстно желал силой втащить его на борт «Сатерленда», ему бы каких-нибудь полсотни моряков – и можно больше не тревожиться. Но этот малый наверняка освобожден от службы и имеет при себе документ – иначе не посмел бы промышлять в Плимуте, куда четверть британского флота заходит в поисках матросов.

И Провиантский двор, и док, проплывавшие мимо лодки полны здоровыми, сильными людьми, из которых половина моряки – корабель и такелажники. Хорнблауэр глядел на них с бессильным вождением кота, созерцающего золотую рыбку в аквариуме. Мимо медленно проплывали канатный двор и мачтовая мастерская, плашкоут для установки мачт и дымящиеся трубы пекарни. Вот и «Сатерленд» покачивается на якорях за мысом Бул. Хорнблауэр глядел на него поверх мелкой зыби, чувствуя разом гордость и отвращение к своему новому кораблю. Ему странен был округлый нос «Сатерленда», непохожий на привычные бикхеды¹ линейных кораблей британской постройки. Неуклюжие обводы всякий раз напоминали, что строители «Сатерленда» пожертвовали мореходными качествами ради малой осадки. Все, кроме английских мачт, выдавало голландское происхождение корабля, рассчитанного на глинистые отмели и мелководные заливы Ваддензее. Первоначально «Сатерленд» именовался «Эйндрахт», был захвачен у Тексела и теперь, переоснащенный, являл собой самый неприглядный и непривлекательный двухмачтовый корабль в реестре британского флота.

Хорнблауэр глядел на свой корабль с неприязнью, которую еще подхлестывала мысль о нехватке матросов. Упаси бог лавировать на нем от подветренного берега. «Сатерленд» будет дрейфовать, как бумажный кораблик. А последующему трибуналу не докажешь, что судно было совершенно немореходно.

– Суши весла! – бросил он лодочникам.

Те перестали грести, скрип весел в уключинах затих, сразу слышнее стало, как плещет о борт вода. Лодка приплясывала на волнах, Хорнблауэр продолжал недовольно оглядывать корабль. «Сатерленд» был свежевыкрашен, но, увы, за казенный счет – скучной желтой и черной краской без единой белой или алой полосы. Богатый капитан и первый лейтенант покрыли бы недостающие расходы из собственного кармана, им бы еще и позолоту навели, но у Хорнблауэра на позолоту не было денег. Буш содержит на свое жалованье мать и четырех сестер и тоже раскошиться не мог, даже ради карьеры. Иные капитаны не мытьем, так катаньем выпросили бы в доке краску – да и позолоту, кстати, тоже. Хорнблауэр не умел выпрашивать – за всю позолоту в мире он не стал бы умасливать какого-нибудь писаришку, льстить и похлопывать по плечу. И дело тут не в уважении к принципам, а в самоуважении.

С палубы его заметили. Засвистели дудки – на корабле готовились встречать капитана. Однако он не торопился. «Сатерленд», еще не загруженный припасами, осел неглубоко, и над водой виднелась широкая полоса медной обшивки. Слава богу, хоть медь новая. На фордевинд уродливый корабль пойдет достаточно ходко. Ветер развернул «Сатерленд»

¹ См. краткий морской словарь в конце книги.

поперек прилива, обратив его к Хорнблауэру кормовым заострением корпуса. Разглядывая обводы «Сатерленда», Хорнблауэр думал, как выжать из него все возможное. Пригождался двадцатидвухлетний морской опыт. Он уже представил мысленно диаграмму приложенных к кораблю сил – давление ветра на паруса, боковое сопротивление киля, трение обшивки, удары волн о нос, прикидывал, какие испытания проведет в первую очередь, как наклонит мачты и удифференцирует судно поначалу, еще до этих испытаний. И тут же с горечью вспомнил: что толку думать об этом, пока у него нет матросов!

– Весла на воду! – рявкнул он лодочникам, и те вновь принялись грести.

– Суши весла, Джек, – сказал баковый загребному через несколько мгновений, оглядываясь через плечо.

Лодка развернулась под кормой «Сатерленда» – уж эти ребята знают, как подвести лодку к военному кораблю. Теперь Хорнблауэр видел кормовую галерею – чуть ли не единственное, что находил привлекательным в своем новом корабле. К счастью, при ремонте в доке ее не убрали, как у других линейных кораблей. На этой галерее можно будет в полном одиночестве наслаждаться ветром, морем и солнцем. Можно будет поставить парусиновый стул. Можно будет даже прохаживаться вдали от посторонних взоров – галерея протянулась на целых восемнадцать футов – и пригибаться особенно низко не надо. Хорнблауэр мечтал, как после утомительных сборов окажется в море, как будет расхаживать по приватной кормовой галерее и как наконец чуть-чуть расслабится. Однако без пополнения эти мечты могут так и остаться мечтами. Надо где-то найти матросов.

Хорнблауэр нащупал в заднем кармане серебряную монетку. Жалко было швыряться серебром, но он боялся уступить в щедрости другим капитанам – они-то наверняка расплачиваются не скупясь.

– Спасибо, сэр. Спасибо, – сказал загребной, козыряя.

Хорнблауэр поднялся по трапу и дальше через входной порт, покрашенный грязновато-желтой охрой поверх облезлой, голландской еще позолоты. Дико засвистели боцманские дудки, морские пехотинцы взяли на караул, фалрепные вытянулись по струнке. Вахту нес подштурман Грей – лейтенанты во время стоянки в порту не дежурят. Хорнблауэр отсалютовал шканцам, Грей козырнул. До разговора Хорнблауэр, по-прежнему строго соблюдавший себя от излишней болтливости, не снизошел, хотя Грей был его любимцем. Он молча огляделся.

Натягивали такелаж, и по всей палубе были разложены тросы, но Хорнблауэр различал за мнимым беспорядком стройную, отлаженную систему. Бухты троса на палубе, кучки работающих матросов, на полубаке команда парусного мастера сшивает марсель – все производило впечатление неразберихи, но то была неразбериха организованная. Строгие приказы, которые он отдал своим офицерам, пошли на пользу. Команда «Лидии», когда ее перевозили на «Сатерленд», не дав и дня погулять на берегу, чуть не взбунтовалась – теперь она снова управляема.

– Старшина судовой полиции хочет доложить, сэр, – сказал Грей.

– Пошлите за ним, – отозвался Хорнблауэр.

Старшина судовой полиции, некто Прайс, отвечал за поддержание дисциплины на корабле. Хорнблауэр его еще не видел. Он решил, что речь пойдет о наказании за служебный проступок, и со вздохом придал лицу выражение неумолимой суровости. Возможно, придется назначать порку. Хорнблауэру претила мысль о крови и мучениях, но впереди долгое плавание, команда на взводе, и, если потребуется, надо драть без всякого снисхождения.

Прайс появился на переходном мостике во главе необычной процессии. Тридцать человек шли, попарно скованные наручниками, только последние двое заунывно звенели ножными кандалами. Почти все были в лохмотьях, ничем решительно не напоминавших моряцкую одежду. У многих лохмотья были из дерюги, у других – из плиса, и, приглядевшись

повнимательнее, Хорнблауэр угадал на одном нечто, прежде бывшее молескиновыми штанами. А вот на его напарнике явно когда-то был приличный костюм – черный суконный, теперь он порвался, и в прореху на плече выглядывало белое тело. У всех были всклокоченные бороды – черные, рыжие, желтые и сивые, у всех, кроме лысых, торчали в разные стороны грязные космы. Два суровых капрала замыкали шествие.

– Стоять, – приказал Прайс. – Шапки долой!

Процессия замялась и остановилась. Одни тупо смотрели на палубу, другие испуганно озирались.

– Это что за черт? – резко осведомился Хорнблауэр.

– Новобранцы, сэр, – сказал старшина. – Солдаты их привели. Я расписался в приемке.

– Откуда они их взяли? – так же резко продолжал Хорнблауэр.

– С выездной сессии суда в Эксетере, сэр, – произнес Прайс, извлекая из кармана список. – Четверо – браконьеры. Уэйтс – тот, что в молескиновых штанах, сэр, – воровал овец. Вот этот в черном – двоеженец, сэр, – прежде был приказчиком у пивовара. Остальные все больше воры, кроме этих двух – они поджигали стога, да тех двух в кандалах. Их осудили за разбой.

– Кхе-хм. – Хорнблауэр на мгновение лишился дара речи. Новобранцы, моргая, смотрели на него – кто с надеждой, кто с ненавистью, кто равнодушно. Виселице, тюрьме или высылке в колонии они предпочли флот. Ясно, почему они в таком плачевном состоянии – последние несколько месяцев они провели в тюрьме. Славное пополненьице – махровые смутьяны, хитрые лодыри, придурковатые мужланы. Но это – его матросы. Они напуганы, угрюмы, встревожены. Надо расположить их к себе. Как это сделать, подсказало природное человеколюбие.

– Почему они еще в наручниках? – произнес он громко. – Немедленно освободите их.

– Прошу прощения, сэр, – извинился Прайс. – Я не посмел без приказа, вестимо, кто они и откуда.

– Это не имеет никакого значения, – отрезал Хорнблауэр. – Они завербовались на королевскую службу. На моем корабле наручники надевают только по моему приказу.

При этом Хорнблауэр смотрел на новобранцев, а обращался исключительно к Прайсу – он знал, что так произведет большее впечатление, хотя и презирал себя за риторические уловки.

– И чтобы я больше не видел моих матросов под конвоем! – прорычал он в сердцах. – Это новобранцы на почетной службе, их ждет достойное будущее. Я попрошу вас принять это к сведению. Теперь найдите кого-нибудь из команды баталера и позаботьтесь, чтобы рекрутам выдали приличную одежду.

Вообще-то, не полагается отчитывать офицера перед матросами, но Хорнблауэр знал, что несильно повредил старшине судовой полиции. Новички так и так его возненавидят – за то ему и платят, чтобы вся команда вымещала на нем злость. Теперь Хорнблауэр обратился к самим новобранцам:

– Тому, кто старательно исполняет свой долг, на этом корабле страшиться нечего. Его ждет блестящее будущее. Ну-ка я погляжу, какими ладными вы будете в новой одежде, когда смоете с себя последние напоминания о месте, откуда прибыли. Вольно.

Сдается, он покориł этих глупцов. Унылые лица озарились надеждой – впервые за долгие месяцы, если не впервые в жизни, с ними обошлись по-человечески, а не по-скотски. Хорнблауэр проводил их взглядом. Бедолаги. Они просчитались, променяв тюрьму на флот. Ну что ж, это тридцать из недостающих ему двухсот пятидесяти живых автоматов, которые будут тянуть тросы и налегать на вымбовки шпиля, когда «Сатерленду» придет время выйти в море.

Торопливо подошел лейтенант Буш и откозырял капитану. Суровое загорелое лицо с неожиданно-голубыми глазами осветилось столь же несурозной улыбкой. Хорнблауэра кольнуло смутное, похожее на стыд чувство. Надо же, Буш ему рад! Невероятно, но им действительно восхищается, его, можно сказать, обожает этот безупречный служака, этот бесстрашный боец, кладезь разнообразных достоинств, которых Хорнблауэр в себе не находил.

– Доброе утро, Буш, – сказал Хорнблауэр. – Пополнение видели?

– Нет, сэр. Я обходил полуденным дозором на шлюпке и только что вернулся. Откуда они?

Хорнблауэр рассказал. Буш довольно потер руки.

– Тридцать! – воскликнул он. – Не ожидал. Думал, из Эксетера пришлют человек двенадцать. А сегодня открывается выездная сессия в Бодмине. Дай-то бог, чтобы они прислали еще тридцать.

– Марсовых нам из Бодмина не пришлют, – сказал Хорнблауэр, донельзя успокоенный тем, что Буш столь оптимистично отнесся к появлению в команде осужденных.

– Да, сэр. Зато на этой неделе ждут Вест-Индский конвой. Сотни две матросов с него загребут. По справедливости нам должно достаться человек двадцать.

– М-м, – протянул Хорнблауэр и отвернулся. Маловероятно, что адмирал порта пойдет ему навстречу. Не того он сорта капитан – не самый выдающийся, но и не самый нуждающийся в помощи. – Я пойду вниз.

Разговор благополучно переменился.

– Женщины бузят, сэр, – сказал Буш. – Я, если не возражаете, лучше пойду с вами.

Сквозь приоткрытые пушечные порты на нижний гондек тускло сочился свет, освещая непривычную картину. С полсотни женщин кучками сидели на палубе и громко переговаривались. Три или четыре, приподнявшись на локте с гамаков, глазели на остальных. Две через орудийные порты торговались с гребцами береговых лодок; чтобы матросы не сбежали, порты затянули сетками, довольно, впрочем, редкими – сквозь них легко проходила рука и можно было что-нибудь купить. Еще две скандалили. У каждой за спиной собралась кучка болельщиц. Женщины различались решительно всем. Одна, смуглая, темноволосая, такая высокая, что ей приходилось сутулиться под пятифутовыми палубными бимсами, грозно наступала, другая – приземистая белокурая крепышка, явно не собиралась отступать.

– Да, сказала, – не унималась она. – И еще повторю. Не больно ты меня напужала! Говоришь, ты – миссис Даусон? Так тебе и поверили!

– А-а! – завопила оскорбленная брюнетка. Она нагнулась и с остервенением вцепилась противнице в волосы, замотала из стороны в сторону – того и гляди оторвет голову. Блондинка, не растерявшись, принялась царапаться и лупить ногами. Юбки закружились водоворотом, но тут подала голос женщина с гамака:

– Стой же, дуры сумасшедшие! Капитан идет.

Они отскочили в стороны, запыхавшиеся и вострепанные. Все взгляды обратились на Хорнблауэра, который, пригибаясь под верхней палубой, спускался в полумрак.

– Первую же, кто затеет драку, отправлю на берег! – рявкнул он.

Брюнетка отбросила с лица волосы и презрительно фыркнула.

– Мне начхать, – сказала она. – Я сама уйду. На этом нищем корабле ни фартинга не получишь.

Слова ее вызвали одобрителный гул – похоже, она выразила общее мнение.

– Заплатят нашим мужьям жалованье или нет? – пискнула одна из лежебок.

– Молчать! – взорвался Буш. Он выступил вперед, желая оградить капитана от незаслуженных оскорблений – он-то знал, что жалованье матросам задержало правительство. – Вот ты – почему лежишь после восьми склянок?

Но попытка контрнаступления провалилась.

– Если хотите, лейтенант, я встану, – сказала женщина, сбрасывая одеяло и спрыгивая на палубу. – Кофту я обменяла на колбасу для моего Тома, юбку – на пиво. Мне в рубаше ходить, а, лейтенант?

По палубе пробежал смешок.

– Марш обратно и веди себя пристойно, – торопливо выговорил вспыхнувший от смущения Буш.

Хорнблауэр тоже смеялся – он, в отличие от своего первого лейтенанта, был женат, и потому, наверное, не испугался полуголой женщины.

– Не буду я пристойной, – сказала та, закидывая голые ноги на койку и прикрывая их одеялом, – пока моему Тому не заплатят что причитається.

– А даже и заплатят, – фыркнула блондинка, – чего он с ними делать будет без увольнительной? Отдаст ворюге-маркитанту за четверть галлона!

– Пять фунтов за два года! – добавила другая. – А я на втором месяце.

– Отставить разговоры! – сказал Буш.

Хорнблауэр отступил с поля боя, забыв, зачем спускался вниз. Не может он говорить с женщинами о жалованье. С их мужьями обошлись возмутительно, перевезли, как заключенных, с одного корабля на другой, лишь подразнив близостью берега, и жены (а среди них наверняка есть и законные жены, хотя адмиралтейские правила не требуют в данном случае документа о браке, только устное заверение) негодуют вполне справедливо. Никто, даже Буш, не знает, что выданные команде несколько гиней Хорнблауэр взял из собственного жалованья. Ему самому не осталось ничего, только офицерам на поездку за рекрутами.

Быть может, побуждаемый живым воображением и нелепой чувствительностью, он несколько преувеличивал тяготы матросской жизни. Его возмущала мысль об огромном блудилище внизу, где матросу положено восемнадцать дюймов, чтобы повесить койку, и его жене – восемнадцать дюймов, бок о бок в длинном ряду – мужья, жены, холостяки. Его коробило, что женщины питаются отвратительной матросской едой. Возможно, он недооценивал смягчающую силу привычки.

Он вынырнул из переднего люка на главную палубу. Его не ждали. Томсон, один из баковых старшин, как раз занимался новобранцами.

– Может, мы сделаем из вас моряков, – говорил он, – а может, и нет. Как пить дать, еще до Уэссана не дойдем, отправитесь за борт с ядром в ногах. Только ядрам перевод. Ну-ка давай под помпу, вшивота тюремная! Скидавай одежду, неча задницы прятать. Вот дойдет дело до кошек, мы и кожу с вас спустим...

– Прекратите, Томсон! – заорал Хорнблауэр в ярости.

По корабельному распорядку новобранцев должны избавить от вшей. Голые и дрожащие, они кучками толпились на палубе. Двоих брили наголо, человек десять уже прошли через эту процедуру – бледные после тюрьмы, они казались странно нездоровыми и какими-то неприкаянными. Томсон пытался загнать их под помпу для мытья палубы, которую качали двое ухмыляющихся матросов. Новобранцев трясло не столько от холода, сколько от страха: вероятно, никому из них прежде не доводилось мыться. Жалко было смотреть на них – напуганных предстоящим душем, зверскими понуканиями Томсона, незнакомой обстановкой.

Хорнблауэр пришел в ярость. Он не забыл унижения первых дней на флоте и ненавидел грубые окрики как любого рода бессмысленную жестокость. В отличие от многих собратьев по профессии, он не ставил себе целью сломить в подчиненных дух. Быть может, очень скоро эти самые новобранцы бодро и охотно пойдут на бой, даже на смерть, защищая в том числе и его репутацию, его будущее. Забитые, сломленные люди на это неспособны. Побрить и вымыть их надо, чтобы на корабле не завелись вши, клопы и блохи, но он не позволит без надобности страшить своих бесценных матросов. Любопытно, что Хорнблауэр, которому и в голову не приходило вообразить себя вожаком, всегда предпочитал вести, а не подталкивать.

– Давайте под помпу, ребята, – сказал он ласково и, видя, что они все еще колеблются, добавил: – Когда мы выйдем в море, вы увидите под этой помпой меня, каждое утро в восемь склянок. Разве не так?

– Так точно, сэр, – в один голос отозвались матросы у помпы. Странная привычка капитана каждое утро окатываться холодной морской водой немало обсуждалась на борту «Лидии».

– Тогда давайте под помпу – и, может быть, вы все еще станете капитанами. Вот ты, Уэйтс, покажи-ка, что не боишься.

Какое везенье, что он не только вспомнил имя, но и признал бритым Уэйтса, овечьего вора в молескиновых штанах. Новобранцы заморгали на величественного капитана, который говорит ободряюще и не постеснялся сказать, что каждый день моется. Уэйтс собрался с духом, нырнул под брызжущий шланг и, задыхаясь, героически завертелся под холодной струей. Кто-то бросил ему кусок пемзы – потереться. Остальные проталкивались вперед, ожидая своей очереди: несчастные глупцы, подобно овцам, нуждались, чтобы кто-то двинулся первым; теперь все они рвутся туда же.

Хорнблауэр заметил на белом теле одного новобранца красную полосу. Он поманил Томсона в сторону.

– Вы даете волю линьку, Томсон, – сказал он.

Тот смущенно осклабился, перебирая в руках двухфутовый трос с узлом на конце – ими унтер-офицеры подбадривали матросов.

– Я не потерплю у себя на корабле унтер-офицера, который не знает, когда пускать в дело линек. Эти люди еще не пришли в себя, и битьем этого не поправишь. Еще одна такая оплошность, Томсон, и я вас разжалую, а тогда вы у меня будете каждый божий день драить галюны. Так-то.

Томсон сник, напуганный неподдельным гневом капитана.

– Пожалуйста, приглядывайте за ним, мистер Буш, – добавил Хорнблауэр. – Иногда после выговора унтер-офицер вымещает обиду на подчиненных. Я этого не потерплю.

– Есть, сэр, – философски отвечал Буш. Он первый раз видел капитана, которого тревожит применение линьков. Линьки – такая же часть флотской жизни, как плохая кормежка, восемнадцать дюймов на койку и подстерегающие в море опасности. Буш не понимал дисциплинарных методов Хорнблауэра. Он ужаснулся, когда тот прилюдно объявил, что моется под помпой – только сумасшедший может подталкивать матросов к мысли, что капитан слеплен из того же теста. Но прослужив под началом Хорнблауэра два года, Буш усвоил, что его странные методы иногда приносят поразительные плоды. Он готов был подчиняться ему – верно, хотя и слепо, покорно и в то же время восхищенно.

Глава II

– Сэр, слуга из «Ангела» принес записку и ждет внизу, – сказала квартирная хозяйка, когда Хорнблауэр, в ответ на стук, пригласил ее войти в гостиную.

Хорнблауэр взял записку, взглянул на адрес и вздрогнул – он мгновенно узнал аккуратный женский почерк, которого не видел вот уже несколько месяцев. Сдерживая волнение, он обратился к жене:

– Записка адресована нам обоим, дорогая. Я открою?

– Да, конечно, – сказала Мария.

Хорнблауэр разорвал облатку и прочел:

Таверна «Ангел»

Плимут

4 мая 1810

Контр-адмирал сэр Перси и леди Барбара Лейтон сочтут за честь, если капитан и миссис Хорнблауэр отобедают с ними по указанному адресу завтра, пятого числа, в четыре часа дня.

– Адмирал в «Ангеле». Он приглашает нас завтра на обед, – сообщил Хорнблауэр небрежно. Сердце так и прыгало у него в груди. – С ним леди Барбара. Мне кажется, дорогая, надо пойти.

Он передал записку жене.

– У меня с собой только голубое платье, – сказала Мария, прочитав.

Женщина, получив приглашение, первым делом думает, во что ей одеться. Хорнблауэр постарался сосредоточиться на проблеме голубого платья. Душа его пела. Леди Барбара здесь – их разделяют какие-то двести ярдов!

– Оно тебе очень идет, – сказал он. – Ты же знаешь, как я его люблю.

Может быть, очень дорогое, хорошо сшитое платье и пошло бы Марии, на которой все обычно сидело комом. Но пойти надо непременно, и лучше, если он немного подбодрит Марию. Не важно, каким будет ее наряд, лишь бы она сама думала, что одета со вкусом. Мария отвечала счастливой улыбкой. Хорнблауэру стало стыдно. Он чувствовал себя Иудой. Рядом с леди Барбарой Мария будет казаться жалкой замарашкой. Однако, пока он притворяется любящим супругом, она будет счастлива и ничего не заподозрит.

Он написал ответную записку и позвонил, чтобы ее забрали. Потом застегнул мундир.

– Мне надо на корабль, – сказал он.

Мария взглянула укоризненно, и ему стало больно. Да, она мечтала чудесно посидеть вдвоем, а он и впрямь не собирался сегодня на «Сатерленд». Это – только предлог, чтобы побыть в одиночестве и не слушать ее болтовню. Он уже предвкушал, как наедине с собой будет упиваться радостью. Леди Барбара в Плимуте, завтра он ее увидит! От волнения он не мог усидеть на месте.

Быстро шагая к причалу, Хорнблауэр только что не пел от радости. Он уже не раскаивался, вспоминая, как покорно смирилась Мария с его уходом – ей ли не знать, что капитан, снаряжающий в плавание линейный корабль, не распоряжается своим временем.

Торопясь уединиться, он всю дорогу подгонял и без того вспотевших гребцов, едва ступив на палубу, торопливо козырнул шканцам и сбежал вниз, в вожденное укрытие. Он мог бы заняться сотней дел, но душа не лежала ни к одному. Через загроможденную вещами каюту, дальше, через дверь в переборке на кормовую галерею. Здесь, недостижимый для докучных помех извне, он облокотился о поручень и стал глядеть на воду.

Шел отлив, с северо-востока дул легкий ветерок. Кормовая галерея «Сатерленда» была обращена на юг, к реке. Слева копошился муравейник дока, впереди покачивались на блестящей воде корабли, там и сям шныряли береговые лодки. За крышами провиантского двора высился Эджкумский холм. Жаль только, что мыс Девил заслоняет город, а значит – и крышу гостиницы, которую леди Барбара освятила своим присутствием.

И все же она здесь, завтра он ее увидит. Хорнблауэр так сильно сжал поручень, что заныли пальцы. Он разжал их, отошел от поручня и заходил по галерее – голова опущена, чтобы не задевать верхнюю палубу, руки сцеплены за спиной. Боль, которую он испытал три недели назад, узнав, что леди Барбара вышла замуж за адмирала Лейтона, уже отпустила. Осталась только радость от мысли, что она его помнит. Некоторое время Хорнблауэр тешил себя надеждой: быть может, она последовала за мужем в Плимут нарочно, чтобы повидать его? Он не удосужился подумать, что ею, возможно, двигало желание подольше побыть с мужем. Это она уговорила сэра Перси немедленно послать приглашение – Хорнблауэр отказывался принять во внимание, что любой адмирал постарался бы как можно скорее взглянуть на незнакомого капитана, оказавшегося под его началом. Это она убедила сэра Перси просить за него в Адмиралтействе – тогда понятно, почему его назначили на «Сатерленд», не продержав в запасе и месяца. Именно леди Барбаре он обязан ощутимой прибавкой к жалованью – как капитан линейного корабля Хорнблауэр получал теперь на шестнадцать шиллингов больше.

Он уже прошел четвертую часть капитанского списка. Если его будут назначать так же аккуратно, то меньше чем через двадцать лет – то есть задолго до шестидесяти – он поднимет адмиральский флаг. А там пусть списывают в запас – с него вполне хватит адмиральского чина. На половинное адмиральское жалованье можно жить в Лондоне. Он найдет себе покровителя и пройдет в парламент. Будет жить в почете и довольстве. Почему бы нет? А леди Барбара его помнит, печется о нем, ищет встречи, несмотря на то что он так нелепо с ней обошелся. В нем вновь закипала радость.

Парившая на ветру чайка вдруг захлопала крыльями, пронзительно закричала прямо в лицо. Она бесцельно кричала и хлопала крыльями возле самой галереи, потом столь же бесцельно унеслась прочь. Хорнблауэр проводил ее взглядом, а когда вернулся к прерванной прогулке, то обнаружил, что нить рассуждений оборвалась. Отступившая было мысль о нехватке матросов вновь омрачила его сознание. Завтра он вынужден будет сознаться перед адмиралом, что не выполнил первейшую из капитанских обязанностей: на «Сатерленде» недостает ста пятидесяти матросов.

Может быть, Лейтон вовсе не хлопотал за него, и Хорнблауэра забросила в его эскадру неведомая причуда судьбы. Лейтон будет ревновать к нему жену, искать способы его погубить. Он отравит ему жизнь, доведет до умопомешательства, наконец, раздавит и добьется увольнения со службы – что адмиралу уничтожить капитана! Быть может, леди Барбара добилась его назначения в эскадру Лейтона, чтобы отомстить за прошлое. Хорнблауэра охватило отчаяние. Он готов был поверить в собственные фантастические домыслы.

Она догадалась, какая у него жена, и пригласила их нарочно, чтобы позлорадствовать. Завтрашний обед будет для него одним нескончаемым унижением. Жалованье ему выплатят не раньше чем дней через десять – иначе он сегодня же повез бы Марию выбирать платье. Лучшее платье в Плимуте. Хотя чего стоит лучшее плимутское платье в глазах графской дочери, чьи туалеты, без сомнения, поступают прямиком из Парижа? Нет у него двадцати фунтов, он только что отослал всех четырех лейтенантов – Буша, Джерарда, Рейнера и Хукера – вербовать новобранцев. Они взяли с собой тридцать матросов – последних, надо сказать, надежных матросов на корабле. Может быть, из-за этого на нижней палубе начнутся беспорядки – может быть, завтра, когда он будет обедать у адмирала, вспыхнет мятеж.

Довольно растравлять душу. Хорнблауэр раздраженно вскинул голову и с размаху ударился затылком о палубный бимс. Тогда он сжал кулаки и проклял службу, как проклинал ее тысячи раз до того. И тут же рассмеялся – если бы не умение смеяться над собой, он давно бы пополнил ряды сумасшедших капитанов. Овладев расхोлившимися чувствами, он заставил себя всерьез подумать о будущем.

Приказы, согласно которым «Сатерленд» поступал в эскадру Лейтона, коротко извещали, что эскадра направляется в западное Средиземноморье. Очень любезно со стороны лордов Адмиралтейства предупредить хотя бы об этом. Случалось, капитан снаряжался в Вест-Индию и узнавал, что прикомандирован к балтийскому конвою. Западное Средиземноморье может означать блокаду Тулона, оборону Сицилии, участие в испанской войне. По крайней мере веселее, чем караулить Брест, хотя и шансов на призовые деньги неизмеримо меньше – Испания теперь союзница Англии.

Он говорит по-испански, значит «Сатерленд» почти наверняка отправят к берегам Каталонии, поддерживать испанскую армию. Здесь покрыл себя неувядаемой славой лорд Кокрейн², но Кокрейн нынче в немилости. Еще не стихло эхо трибунала, разбиравшего его операцию на Баскском рейде, и если Кокрейну когда-нибудь дадут корабль, он может считать себя счастливым. Вот живой пример, какое безумие – боевому офицеру ввязываться в политику. Быть может (Хорнблауэр боролся с неоправданным оптимизмом и пессимизмом разом), Адмиралтейство готовит его на место Кокрейна? Если так, его ценят куда выше, чем он смел надеяться. Он сурово отогнал эту мысль и улыбнулся, напомнив себе, что от переизбытка чувств можно стукнуться головой о палубный бимс – и ничего боле.

Мысль эта успокоила, он зашагал, философски убеждая себя, что гадает понапрасну – все станет известно в свое время, а пока, сколько ни тревожись, от судьбы не уйдешь. Двести британских фрегатов и сто двадцать линейных кораблей бороздят моря, на каждом – свой капитан, царь и Бог для команды и марионетка для Адмиралтейства. Разумнее всего выкинуть из головы пустые домыслы, отправляться домой, тихо посидеть с женою и не думать о будущем.

Он уже выходил из галереи, чтобы потребовать гичку, когда на него вновь нахлынула волна пьянящего восторга. Завтра он увидит леди Барбару!

² Томас Кокрейн, 10-й граф Дандональд, маркиз Мараньян (1775–1860) – британский капитан, прославленный множеством дерзких операций. В апреле 1809 года отряд брандеров под его командой успешно атаковал французскую эскадру на Баскском рейде. Кокрейн был награжден орденом Бани, но тем не менее потребовал трибунала над командующим флотом – адмиралом Гамбиром за неоказание поддержки, утверждая, что в противном случае последствия для французов были бы еще более катастрофическими. Суд хотя и признал недостаточность поддержки, но в целом действия адмирала оправдал, и в результате Кокрейн приобрел множество недоброжелателей, что отразилось на его продвижении по службе. Не получив командования, он занялся политикой и, пройдя в парламент, примкнул к оппозиции.

Глава III

– Я хорошо выгляжу? – спросила Мария, заканчивая туалет.

Хорнблауэр застегивал парадный мундир; он поглядел на нее и изобразил восхищенную улыбку.

– Прекрасно, дорогая! – сказал он. – Это платье сидит на тебе, как ни одно другое.

Наградой ему была улыбка. Бесполезно говорить Марии правду, объяснять, что именно этот голубой оттенок не идет к ее красным щекам. Полная, плохо сложенная, с жесткими черными волосами, Мария никогда не будет элегантной. В лучшем случае она походила на жену бакалейщика, в худшем – на судомойку, которая вырядилась в барынины обноски. Хорнблауэр поглядел на ее красные короткопалые руки: действительно, как у судомойки.

– Я надену парижские перчатки, – сказала Мария, проследив за его взглядом. Черт, как она угадывает всякое его желание, как старается угодить! В его власти причинить ей страдание. От этой мысли Хорнблауэру сделалось неудобно.

– Лучше и лучше, – галантно произнес он, стоя перед зеркалом и оправляя сюртук.

– Тебе так идет парадный мундир, – сказала Мария восхищенно.

Вернувшись в Англию, Хорнблауэр первым делом приобрел себе новые мундиры – перед тем он несколько раз попадал в неловкое положение из-за убожества своего гардероба. Сейчас он с удовлетворением разглядывал себя в зеркале. Тяжелые эполеты на плечах были из настоящего золотого шнура, как и широкий позумент по краю и вокруг петлиц. Когда он шевелился, пуговицы и обшлага отсвечивали – приятно было видеть тяжелые золотые нашивки на обшлаге, означавшие, что он служит капитаном уже более трех лет. Галстук из плотного китайского шелка. Белые, отлично скроенные кашемировые панталоны, белые шелковые чулки – лучшие, какие удалось отыскать. Он пристыженно вспомнил, что у Марии под юбкой дешевые бумажные чулки по четыре шиллинга пара. С макушки до щиколоток он был одет, как пристало джентльмену. Смущали только башмаки. Пряжки на них были из томпака, и Хорнблауэр опасался, что рядом с пуговицами на мундире подделка будет бросаться в глаза. Сегодня вечером надо по возможности не привлекать внимания к ногам. Какая жалость, что шпага ценою в сто гиней – дар Патриотического фонда за потопленный «Нативидад» – еще не прибыла. Придется нацепить пятидесятигинеевую шпагу, которой его, тогда еще совсем молодого капитана, наградили за захват «Кастилии».

Он взял треуголку – на ней позумент и пуговицы тоже были золотыми – и перчатки.

– Готова, дорогая?

– Да, Горацио. – Она давно обнаружила, что ее муж ненавидит несобранность, и покорно старалась не раздражать.

Послеполуденное солнце вспыхивало на золотых пуговицах и галуне, шедший навстречу субалтерн народного ополчения почтительно козырнул. Хорнблауэр заметил, что цеплявшаяся за субалтерна молодая особа разглядывает Марию пристальнее, чем его. Ему даже померещилась жалостливая усмешка в ее глазах. Да, Мария, без сомнения, не та женщина, какую пристало вести под руку офицеру в чинах. Но она его жена, подруга его юности. Надо платить за ту сердечную слабость, которая толкнула его к браку. Маленький Горацио и маленькая Мария умерли от оспы на квартире в Саутси. Он обязан ей преданностью уже по этой причине. Сейчас она, возможно, снова носит под сердцем его дитя. Конечно, это было чистейшим безумием, но безумием, извинительным в человеке, чье сердце разрывается от ревности. Тогда только что стало известно о замужестве леди Барбары. И за это безумие тоже надо расплачиваться, расплачиваться нежностью. Лучшие чувства вкупе с природной нерешительностью побуждали его хранить супружескую верность, утешать Марию, при- творяться любящим мужем.

Мало того. Гордость никогда не позволит ему публично признать, что он совершил ошибку, влип, как желторотый юнец. Уже из-за одного этого он не мог бы открыто порвать с Марией – даже если бы нашел в себе силы разбить ей сердце. Он вспомнил, как цинично флотские обсуждали личную жизнь Нельсона, а после – Боуэна и Семсона. Пока он верен жене, о нем ничего подобного не скажут. Люди терпимы к чудачеству и смеются над слабостью. Возможно, они дивятся его преданности, но не более того. Пока он ведет себя так, будто Мария для него – единственная женщина в мире, им придется принять на веру: в ней есть нечто, неуловимое для стороннего наблюдателя.

– Мы ведь в «Ангел» идем, дорогой? – прервала его раздумья Мария.

– Да, а что?

– Мы прошли мимо. Я тебе говорила, но ты не слышал.

Они вернулись. Смешливая горничная пропустила их в прохладный полумрак дальних комнат. В обшитой дубом гостиной стояли мужчины и женщины, но Хорнблауэр видел только одну. Леди Барбара была в голубом платье, серо-голубом, под цвет глаз. На груди на золотой цепочке – сапфировый кулон, но глаза лучились ярче сапфиров. Хорнблауэр поклонился и, запинаясь, представил Марию. Комната была как в тумане, и только леди Барбару он видел совершенно отчетливо. Со щек ее сошел прежний золотистый загар, теперь их покрывала приличествующая знатной даме бледность.

До Хорнблауэра дошло, что кто-то с ним говорит – причем уже некоторое время.

– Очень рад видеть вас здесь, капитан Хорнблауэр, – услышал он. – Позвольте вас представить. Капитан Хорнблауэр – миссис Эллиот. Капитан Хорнблауэр – миссис Болтон. Мой флаг-капитан, капитан Эллиот, с «Плутона». Нет надобности представлять капитана Болтона с «Калигулы» – насколько я понял с его слов, вы вместе служили на «Неустанном».

Туман перед глазами Хорнблауэра понемногу рассеивался. Он пробормотал несколько слов. Тут хозяин гостиницы очень кстати объявил, что обед подан. Пока все рассаживались за круглым столом, Хорнблауэр перевел дух. Напротив оказался Болтон, краснощекий, с незатейливым честным лицом. Хорнблауэр и сейчас ощущал его крепкое дружеское пожатие. Ни в шершавой ладони, ни во всем облике Болтона уж точно не было ничего от высшего света. Кстати, и в миссис Болтон – она сидела справа от Хорнблауэра, между ним и адмиралом, – такая же невзрачная, как Мария, так же безвкусно одетая. Это утешило его несказанно.

– Поздравляю вас, капитан, с назначением на «Сатерленд», – произнесла леди Барбара слева от Хорнблауэра, и на него легонько повеяло духами. Голова закружилась. Ее аромат, ее голос дурманили, как встарь, он не знал, что ответить.

– Здешний хозяин, – объявил адмирал, погружая половник в большую серебряную супницу, – клялся и божился, что знает секрет приготовления черепахового супа, посему я доверил черепаху его заботам. По счастью, он не соврал. Херес вполне приличный – Джордж, налей хересу.

Хорнблауэр неосторожно отхлебнул слишком горячего супу, обжегся и от этого протрезвел. Повернувшись, он взглянул на адмирала, которому обязан будет верой и правдой служить следующие два-три года и который завоевал руку леди Барбары, не потратив на ухаживания и трех недель. Что ж – высок, представительен, недурен лицом. Сверкающий мундир украшают красная лента и звезда ордена Бани. Лет едва ли сильно за сорок – года на два старше Хорнблауэра. Значит, влиятельные родственники выхлопотали ему адмиральский чин в кратчайший возможный срок. Впрочем, полноватая нижняя челюсть выдавала, на взгляд Хорнблауэра, то ли тупость, то ли самовлюбленность – вероятно, и то и другое.

Все это Хорнблауэр успел разглядеть в первые несколько секунд. За этим занятием он чуть не позабыл о приличиях – сидя между леди Барбарой и адмиралом, трудно было не потерять головы. Он поспешил исправиться:

– Надеюсь, леди Барбара, вы в добром здравии? – пытаюсь угадать нужный тон, он неожиданно для себя заговорил со своеобразной, суховатой шканцевой вежливостью. Мария, сидевшая рядом с капитаном Эллиотом по другую сторону от леди Барбары, приподняла брови – она всегда чутко улавливала настроения мужа.

– О да, – спокойно отвечала леди Барбара. – А вы, капитан?

– Горацио здоров, как никогда, – вмешалась Мария.

– Приятно слышать, – сказала леди Барбара, оборачиваясь к ней. – А вот бедного капитана Эллиота до сих пор иногда лихорадит – он во Флиссингене подхватил малярию.

Ход был удачный – между Марией, леди Барбарой и Эллиотом тут же завязался разговор, в котором Хорнблауэру не осталось места. Он немного послушал, потом заставил себя повернуться к миссис Болтон. Та явно не привыкла блистать в светской беседе и на все отвечала лишь «да» и «нет». Сидевший по другую руку от нее адмирал увлеченно беседовал с миссис Эллиот. Хорнблауэр замкнулся в мрачном молчании. Из разговора двух дам Эллиот вскорости выпал и сидел между ними бессловесный, однако ни Марию, ни леди Барбару это не смутило – они и без его участия продолжали беседовать так увлеченно, что их не отвлекла даже перемена блюд.

– Позвольте отрезать вам говядины, миссис Эллиот? – спрашивал адмирал. – Хорнблауэр, сделайте милость, займитесь утками, они перед вами. Это говяжьи языки, Болтон, местный деликатес – впрочем, вам это, конечно, известно. Попробуете, или вам больше приглянулась говядина? Эллиот, предложите дамам рагу. Может, им по душе заграничные выкрутасы, а я вот не люблю, когда мясо мешают с овощами. Там на буфете холодный мясной пирог – хозяин уверял, что прославился именно этими пирогами. Копченая баранина, такую нигде, кроме как в Девоншире, не сыщете. Миссис Хорнблауэр? Барбара, дорогая?

Хорнблауэр в это время нарезал утку. При звуке святого для него имени, столь небрежно оброненного, защемило сердце, и нож, которым он отделял от утиной грудки длинную полосу мяса, застрял посреди надреза. С усилием Хорнблауэр продолжил свое занятие и, поскольку никто за столом жареной утки не пожелал, положил отрезанное себе на тарелку. По крайней мере, ему не пришлось ни с кем встречаться глазами. Мария и леди Барбара все так же беседовали. У Хорнблауэра разыгралось воображение. Ему мерещилось нечто нарочитое в том, как леди Барбара повернула к нему плечо. Быть может, увидев Марию и убедившись в его дурном вкусе, она сочла, что его любовь не делает ей чести. Только бы Мария не наговорила чего-нибудь уж совсем глупого и неловкого – он почти не слышал их разговора. Хорнблауэр едва прикоснулся к обильной трапезе – по обыкновению скромный аппетит улетучился совсем. Он жадно пил вино, которое подливал и подливал слуга, потом вдруг сообразил, что делает, и остановился – напиваться он любил еще меньше, чем переедать. После этого он только возил вилкой в тарелке, притворяясь, что ест. К счастью, его соседка миссис Болтон не страдала отсутствием аппетита и молча нажимала на еду – если бы не это, смотреть на них было бы уж совсем тоскливо.

Убрали со стола, освободили место для сыра и сладкого.

– Ананасы, конечно, не те, что в Панаме, капитан Хорнблауэр, – сказала леди Барбара, внезапно поворачиваясь к нему. – Но, может, все-таки попробуете?

Он так смешался от неожиданности, что еле-еле разрезал ананас серебряным ножом и положил ей кусок. Теперь он мог говорить с ней, мало того, страстно желал говорить, но слова не шли – вернее, он поймал себя на желании спросить, нравится ли ей замужем. Хотя ему хватило ума удержаться от подобной глупости, он ничего не мог измыслить взамен.

– Капитан Эллиот и капитан Болтон, – продолжала леди Барбара, – непрестанно выпытывают у меня подробности сражения между «Лидией» и «Нативидадом». На большую часть вопросов я не могу ответить по незнанию предмета, тем более что, как я объясняю,

вы заточили меня в кубрике, откуда я решительно ничего не видела. Однако даже это не умерило их зависти.

– Ее милость права, – объявил Болтон через весь стол. Теперь он стал еще громогласнее, чем в бытность свою молодым лейтенантом. – Расскажите нам, Хорнблауэр.

Хорнблауэр, чувствуя на себе взгляды собравшихся, покраснел и затеребил галстук.

– Давайте выкладывайте, – нажимал Болтон: человек явно несветский, он за весь вечер почти не открывал рта и только сейчас, предвкушая рассказ о морском сражении, оживился.

– Доны дрались лучше обычного? – спросил Эллиот.

– Ну... – начал Хорнблауэр, понемногу теряя бдительность. Все слушали, то один, то другой из мужчин задавали вопросы. Мало-помалу он разговорился. История разворачивалась, вечно сдерживаемая говорливость переросла в красноречие. Он рассказывал о долгом поединке в безбрежном Тихом океане, о тяготах, о кровавом и мучительном побоище, о том, как, устало опершись на шканцевый поручень, торжествующим взглядом провожал в ночи идущего ко дну неприятеля.

Хорнблауэр смущенно смолк, осознав, что впал в непростительный грех хвастовства. Его бросило в жар. Он оглядел лица собравшихся, ожидая увидеть неловкость или открытое неодобрение, жалость или презрение, однако прочел на них выражение, которое иначе как восхищенным назвать не мог. Болтон, старше его по службе лет на пять, а по возрасту и на все десять, смотрел широко открытыми глазами. Эллиот, командовавший в эскадре Нельсона линейным кораблем, с явным одобрением кивал массивной головой. Когда Хорнблауэр решился взглянуть на адмирала, то увидел – Лейтон все еще сидит, как громом пораженный. На смуглом красивом лице угадывалось легкое сожаление, что, столько прослужив на флоте, он ни разу не имел подобного случая отличиться. Но и его заворожило незатейливое мужество рассказа. Он заерзал и глянул Хорнблауэру в глаза.

– Вот и тост, – сказал он, поднимая бокал. – Пусть капитан «Сатерленда» превзойдет капитана «Лидии»!

Тост был встречен одобрительным гулом, Хорнблауэр краснел и запинаясь. Трудно было снести восхищение людей, чьим мнением он дорожил, особенно теперь, когда он начал осознавать, что завоевал его нечестно. Только сейчас в памяти всплыл тошнотворный страх, с которым он ожидал неприятельских бортовых залпов, ужас перед увечьем, преследовавший его на протяжении всего боя. Он презренный трус, не то что Лейтон, Болтон и Эллиот, ни разу в жизни не испытавшие страха. Если б он рассказал им все, если бы поведал не только о маневрах, но и о переживаниях, они бы пожалели его, словно калеку, его слава рассеялась бы, как дым. От смущения его избавила леди Барбара. Она встала, остальные дамы последовали ее примеру.

– Не засиживайтесь за вином, – сказала леди Барбара, когда мужчины встали их проводить. – Капитан Хорнблауэр – прославленный игрок в вист, нас еще ждут карты.

Глава IV

Из «Ангела» шли в крошечной тьме. Мария прижималась к мужу.

– Замечательный вечер, – говорила она. – Леди Барбара очень мила.

– Рад, что тебе понравилось, – сказал Хорнблауэр. Побывав где-нибудь, Мария всегда с наслаждением перемывала косточки гостям. Он съезжился, чувствуя, что надвигается критический разбор леди Барбары.

– Она прекрасно воспитана, – неумолимо продолжала Мария. – Гораздо лучше, чем выходило по твоим рассказам.

Порывшись в памяти, Хорнблауэр сообразил, что, говоря о леди Барбаре, больше нажимал на ее отвагу и умение свободно держаться в обществе лиц противоположного пола. Тогда Марии приятно было воображать графскую дочку этаким мужчиной в юбке. Теперь ей приятно вернуться к привычным представлениям: восторгаться тем, как леди Барбара воспитана, радоваться ее снисхождению.

– Очень приятная женщина, – осторожно сказал он, стараясь попасть в тон Марии.

– Она спросила, собираюсь ли я с тобой, я объяснила, что это было бы неразумно, учитывая те надежды, которые мы уже начали питать.

– Ты сказала ей это? – спросил Хорнблауэр резко. В последний миг он сдержался, чтобы не выплеснуть всю внезапно закипевшую в нем злость.

– Она пожелала мне счастья, – ответила Мария, – и просила тебя поздравить.

Хорнблауэра невыносимо раздосадовало, что Мария обсуждала с леди Барбарой свою беременность. Он не позволял себе думать почему. Значит, леди Барбара знает. У него и до того голова шла кругом – теперь за короткую прогулку до дома ему уже точно не привести мысли в порядок.

– Ох, – сказала Мария уже в спальне, – какие же тесные туфли!

Сидя на низком стуле, она поводила ступнями в белых нитяных чулках, ее тень, отбрасываемая свечой на туалетном столике, плясала на стене. Тень балдахина над кроватью мрачным черным прямоугольником лежала на потолке.

– Аккуратно вешай парадный мундир, – сказала Мария, вынимая из волос шпильки.

– Я спать не хочу, – в отчаянии произнес Хорнблауэр. Сейчас он отдал бы что угодно, лишь бы улизнуть, укрыться в одиночестве кормовой галереи. Но это было невозможно – слишком поздний час для побега, да и наряд несоответственный.

– Спать не хочет! – (Что за дурацкая привычка повторять его слова.) – Очень странно! Вечер был такой утомительный. Может, ты жареной утки переел?

– Нет.

Невозможно объяснить Марии, что творится у него в голове, невозможно сбежать. Заговорив об этом, он бы смертельно ее обидел. Нет, на такое он не способен. Он вздохнул и начал отстегивать шпагу.

– Ты только ляг – и сразу заснешь, – сказала Мария – она говорила по собственному опыту. – Нам так недолго осталось быть вместе.

Это было правдой. Адмирал сообщил, что «Плутону», «Калигуле» и «Сатерленду» назначено сопровождать до Тахо Ост-Индский конвой, который уже формируется. Опять встает проклятый вопрос о команде – как, черт возьми, к сроку набрать матросов? С выездной сессии в Бодмине, возможно, пришлют еще нескольких осужденных. Лейтенанты вернутся со дня на день, хоть нескольких добровольцев да привезут. Но ему нужны марсовые, а марсовых не сыщешь ни в тюрьмах, ни на ярмарочных площадях.

– Суровая у нас жизнь, – проговорила Мария, размышляя о предстоящей разлуке.

– Лучше, чем обучать счету за восемь пенсов в неделю, – с натушной веселостью ответил Хорнблауэр.

До замужества Мария преподавала в школе – за обучение чтению родители платили четыре пенса, письму – шесть, счету – восемь.

– Да, конечно, – сказала Мария. – Я стольким обязана тебе, Горацио. Вот твоя ночная рубашка. Помню, мисс Уэнтворт разнюхала, что я учу с Алисой Стоун таблицу умножения, хотя ее родители платят только четыре пенса. Как меня тогда ругали! А потом та же неблагодарная девчонка подговорила маленького Хопера выпустить в классной мышей. Но я бы стерпела все, милый, если бы могла этим тебя удержать.

– Долг неумолим, дорогая, – сказал Хорнблауэр, ныряя в ночную рубашку. – Но не пройдет и двух лет, я вернусь с мешком золотых гиней. Попомни мои слова!

– Два года! – жалобно повторила Мария.

Хорнблауэр делано зевнул. Мария клонула на искусно брошенную наживку – Хорнблауэр наверняка знал, что так оно и будет.

– А говоришь, что спать не хочешь! – воскликнула она.

– Что-то меня и впрямь сморило, – сказал Хорнблауэр. – Может, подействовал адмиральский портвейн? Глаза слипаются. Спокойной ночи, любовь моя.

Он поцеловал ее, еще сидящую за туалетным столиком, и быстро забрался в постель. Здесь, лежа на самом краю, он стойко не шевелился, пока Мария задувала свечу, устраивалась рядом с ним, пока ее дыхание не сделалось тихим и размеренным. Только тогда он расслабился, перелег по-другому и дал волю проносящимся в голове мыслям.

Сегодня вечером они с Болтоном ненадолго оказались рядом, остальные были далеко и слышать их не могли. Болтон подмигнул и, кивнув в сторону адмирала, заметил:

– За ним шесть голосов в правительстве.

Болтон туп, как и пристало хорошему моряку, но он недавно из Лондона, там поприставал на утренних королевских приемах и поднабрался слухов. Бедный король снова помещался, надвигается регентство, значит, власть может от виггов перейти к тори. Шесть принадлежащих Лейтону голосов – вещь немаловажная. Маркиз Уэлсли – министр иностранных дел, Генри Уэлсли – посол в Испании, сэр Артур Уэлсли – как его новый титул? Ах да, конечно, герцог Веллингтон, – командует британскими силами на Пиренейском полуострове. Нечего удивляться, что леди Барбара Уэлсли выходит за сэра Перси Лейтона, а сэру Перси немедленно дают эскадру в Средиземном море. Влияние оппозиции день ото дня растет, и судьба мира висит на волоске.

Хорнблауэр беспокойно заворочался в постели и тут же замер – это пошевелилась Мария. Лишь немногие – и в первую очередь Уэлсли – готовы и дальше противостоять всевластному корсиканцу. Малейший просчет – на суше, на море или в парламенте – и они полетят с высоких постов, рискуя лишиться головы, а Европа падет.

В конце вечера леди Барбара разливала чай, Хорнблауэр ждал с чашкой в руке, рядом никого не было.

– Мне было приятно услышать от мужа, – сказала она тихо, – что вас назначили на «Сатерленд». Сегодня, как никогда, Англия нуждается в своих лучших капитанах.

Возможно, она подразумевала больше, чем произнесла вслух. Возможно, она намекала, что Лейтона надо поддержать. Из этого, впрочем, никак не следовало, что она способствовала его назначению на «Сатерленд». Но приятно думать, что она вышла за Лейтона не по любви. Она не должна никого любить! Хорнблауэр припоминал каждое ее слово, каждый обращенный на мужа взгляд. Да, она не походила на счастливую новобрачную. И все же – все же она жена Лейтона, в эту самую минуту она с ним в постели. От этой мысли у Хорнблауэра передернуло.

Так не пойдет. Он рассудочно убеждал себя, что на этом пути его ждут лишь муки и безумие, и, ухватившись за первую пришедшую в голову мысль, принялся разбирать заключительную партию в вист. Не прорежь он так неудачно на заход Эллиота, он бы спас роббер. Сыграл он правильно – вероятность была три к двум, – но азартный картежник не стал бы об этом задумываться. Он бы взял свою взятку и в данном случае оказался прав. Но только азартный картежник понадеялся бы, что король окажется бланковым. Хорнблауэр всегда гордился научной выверенностью своей игры. Так-то оно так, но сегодня вечером он расстался с двумя гинейми, а в его теперешнем положении это большая потеря.

Прежде чем «Сатерленд» снимется с якоря, надо купить пяток поросят, две дюжины кур да и пару барашков, кстати. Без вина тоже не обойтись. В Средиземноморье он купит дешевле, но на первую пору надо иметь на борту хотя бы пять-шесть дюжин. Капитан ни в чем не должен иметь нужды, иначе это может дурно сказаться на дисциплине. Кроме того, путешествие предстоит долгое, надо будет принимать других капитанов – да и адмирала, вероятно. Те будут неприятно удивлены, если он угостит их корабельной провизией, которой обыкновенно довольствуется сам. Список необходимых покупок все удлинялся. Портвейн, херес, мадера. Яблоки и сигары. Не меньше дюжины рубашек. Еще четыре пары шелковых чулок – судя по всему, предстоит много официальных поездок на берег. Ящичек чаю. Перец, корица, гвоздика. Инжир и чернослив. Восковые свечи. Все, что необходимо капитану для поддержания достоинства – и самоуважения. Он не желал выглядеть нищим.

Можно потратить жалованье за следующие три месяца, и все равно не хватит. Марии придется поэкономить эти три месяца, но ей, по счастью, не привыкать к бедности и назойливым кредиторам. Бедная Мария! Если он когда-нибудь станет адмиралом, то вознаградит ее за все лишения. Еще хорошо бы купить книг – не для развлечения, таких у него целый ящик, все старые друзья, включая «Упадок и разрушение Римской империи», – но чтобы подготовиться к предстоящей кампании. Вчерашняя «Морнинг кроникл» сообщила, что вышли «Очерки современной войны в Испании», – очень бы хотелось приобрести этот труд и еще книг шесть. Чем больше он узнает про полуостров, у берегов которого ему предстоит сражаться, про видных представителей народа, который ему предстоит защищать, тем лучше. Но книги стоят недешево, а денег взять неоткуда.

Хорнблауэр перевернулся на другой бок. Фортуна вечно обделяет его призовыми деньгами. За потопленный «Нативидад» Адмиралтейство не выплатило ни пенса. Последний раз неожиданное богатство привалило ему несколько лет назад, когда он совсем еще молодым капитаном захватил «Кастилию», и с тех пор ничего – а ведь иные капитаны составили тысячные состояния. Это сводило его с ума, тем более что, если бы не теперешняя нищета, легче было бы набрать матросов на «Сатерленд». Нехватка матросов оставалась самой тягостной из его тревог – нехватка матросов и леди Барбара в объятиях Лейтона. Описав полный круг, мысли двинулись проторенным путем. Он лежал без сна всю долгую, утомительную ночь, пока рассвет не начал проникать сквозь занавеси на окнах. Фантастические домыслы о том, что думает леди Барбара, сменялись прозаическими рассуждениями – как лучше подготовить «Сатерленд» к выходу в море.

Глава V

Капитан Хорнблауэр расхаживал взад и вперед по шканцам, а вокруг кипела работа – в шуме и сутолоке «Сатерленд» снаряжался к отплытию. Сборы затягивались, и он злился, хотя отлично знал причины задержки – их было несколько, и для каждой существовало свое, вполне рациональное объяснение. Две трети людей, которых унтер-офицеры подгоняли сейчас линьками, а боцман Гаррисон – тростью, до вчерашнего дня не то что корабля, моря в глаза не видели. Простейший приказ повергал их в растерянность, приходилось вести их к месту и буквально вкладывать в руки трос. Но даже и тогда проку от них было куда меньше, чем от бывалых моряков, – они еще не приноровились разом налегать всем телом на трос и дальше выбирать ходом. А раз начав тянуть, они уже не останавливались – приказ «стой выбирать» был для них пустым звуком. Не раз и не два они сбивали с ног опытных матросов, когда те замирали по команде. В результате одной из таких накладок бочонок с водой сорвался с нокового гордения и лишь по счастливой случайности не угодил прямоком в стоящий у борта баркас.

Хорнблауэр сам распорядился, чтобы воду загружали в последнюю очередь. От долгого пребывания в бочках она застаивается, в ней заводится зеленая живность – загружать ее надо по возможности позже, даже день-два имеют значение. Двенадцать тонн сухарей задержал по обычной своей бестолковости Провиантский двор – такое впечатление, что тамошние клерки не умеют ни читать, ни считать. Дело осложнялось тем, что одновременно выгружали и перетаскивали к ахтерлюку драгоценные капитанские припасы. Это уже вина Патриотического фонда, задержавшегося с высылкой Хорнблауэру наградной шпаги ценою в сто гиней. Ни один лавочник в порту не поверил бы в долг уходящему в плаванье капитану. Шпага пришла только вчера, Хорнблауэр еле-еле успел заложить ее в лавку у Дуддингстона, причем Дуддингстон принял шпагу весьма неохотно и то лишь под клятвенное заверение, что Хорнблауэр выкупит ее при первой возможности.

– Понаписали-то, понаписали, – говорил Дуддингстон, тыча коротким указательным пальцем в витиеватую надпись, которую Патриотический фонд вывел на стальном лезвии ценою немалых издержек.

Практическую ценность представляло лишь золото на ножнах и рукояти, да мелкие жемчужины на эфесе. Дуддингстон, будем к нему справедливы, был совершенно прав, заявив, что под такой залог нельзя отпустить товару больше чем на сорок гиней, даже учитывая проценты и твердое обещание выкупить. Однако слово свое он сдержал и припасы прислал на рассвете следующего же дня – еще осложнив Хорнблауэру сборы.

На переходном мостике баталер Вуд топал от ярости ногами.

– Черти бы вас побрали, идиоты косорукие! – орал он. – Вот вы, сударь, в лихтере, уберите свою дурацкую ухмылку и давайте аккуратнее, а то загоню под палубу и отправитесь с нами! Помалу, помалу! Черт! Кто так швыряет ром по семь гиней за бочонок?! Это же вам не чугунная болванка!

Вуд надзирал за погрузкой рома. Бывалые моряки норовили подстроить так, чтобы новички по безалаберности раскололи пару бочонков – тогда удавалось перехватить глоток-другой. Ухмыляющиеся матросы из лихтера не упускали случая подсобить. Судя по покрасневшимся лицам и неудержимой веселости некоторых моряков, им удалось нализаться даже под недремлющим оком Вуда и морских пехотинцев. Впрочем, Хорнблауэр не собирався вмешиваться. Матросы воруют ром при всяком удобном и неудобном случае, препятствовать им – только попусту ронять свое достоинство; никто еще не преуспел в этой безнадёжной борьбе.

С высоты шканцев Хорнблауэр наблюдал занятную сценку на главной палубе. Молодой верзила – судя по бицепсам, рудокоп, – ошалев от изливаемого на него потока брани и непонятных приказов, набросился на Гаррисона с кулаками. Но Гаррисон недаром был боцманом – к своим пятидесяти годам он побывал в сотнях таких переделок, и силы ему было не занимать. Уклонившись от неловкого замаха, он сокрушительным ударом в челюсть сбил корнуолльца с ног, потом без церемоний поднял за шиворот и пинками погнал по палубе к простаивающей тали. Корнуоллец обалдело ухватился за трос и потянул вместе с остальными. Хорнблауэр одобритительно кивнул.

Корнуоллец совершил преступление, карающееся, согласно Своду законов военного времени, «смертью либо наказанием, более мягким, по усмотрению трибунала», – поднял руку на офицера. Но сейчас не время судить по всей строгости законов военного времени, хоть их и зачитали корнуолльцу вчера, когда зачисляли в команду. Джерард на баркасе прочесал Рендрут, Камборн и Сент-Ив, захватил врасплох и повязал пятьдесят крепких корнуолльцев. Понятно, те еще не разобрались в сложной административной машине, частью которой оказались так неожиданно. Случись это через месяц, когда все на корабле проникнется чудовищностью подобного проступка, пришлось бы созвать трибунал, наказать ослушника кошками или даже повесить, но сейчас Гаррисон сделал самое разумное – двинул его в челюсть и отправил работать дальше. Хорнблауэр возблагодарил Бога, что он капитан, а не боцман. Для него попытка двинуть кого-нибудь в челюсть окончилась бы плачевно.

Он переступил с ноги на ногу и вспомнил, что смертельно устал. Он не спал несколько ночей, дни проводил в бесконечных хлопотах. Мысли о леди Барбаре и Марии, денежные затруднения и нехватка матросов так истощили нервы, что он не смог перепоручить мелкие заботы Джерарду и Бушу, которые бы превосходно со всем справились. Тревога подстегивала его, не давала усидеть на месте. Он постоянно чувствовал себя разбитым, усталым и отупевшим. День за днем он мечтал, как выйдет в море, замкнется в приличествующем капитану одиночестве, оставит позади все сухопутные тревоги, даже леди Барбару.

Последняя встреча основательно выбила его из колеи. Ему хватило ума понять это и попытаться исправить. Он бросил биться над неразрешимым вопросом – она или не она добила его назначения на «Сатерленд», всячески гнал прочь изматывающую ревность и даже убедил себя, что хочет одного – сбежать от леди Барбары, от утомительно нежной Марии, от всей запутанной жизни на берегу.

Он грезил о море, как потерпевший крушение грезит о глотке воды. Два дня назад сегодняшняя суэта перед отплытием представлялась ему венцом желаний. Теперь он сглотнул, внезапно осознав, что это не так. Расставаться с леди Барбарой было, как резать по живому, и – удивительное дело – разлука с Марией тоже печалила. К его возвращению ребенку исполнится год, он будет ходить, возможно – лепетать первые слова. Марии придется вынашивать и рожать без мужа, без его поддержки. Она мужественно отказывалась говорить на эту тему, но он знал, как ей будет его недоставать. Он покидал ее с тяжелым сердцем.

Они прощались в гостиной, заранее решив, что Мария не станет растягивать мучения и провожать его на корабль. Когда она подняла к нему лицо, он увидел, что, несмотря на всю выдержку, губы ее дрожат и глаза увлажнились. Тогда он еще рвался на волю и расстался с ней довольно легко. Теперь все переменилось.

Обругав себя сентиментальным глупцом, Хорнблауэр взглянул на указатель компаса. Без сомнения, ветер отходит. Если он задует с норда или с норд-оста, адмирал захочет скорее выйти в море. Караван, «Калигула» и «Плутон» уже в заливе Каусенд. Коли адмирал решил не ждать отстающих, любое, даже неизбежное, промедление его раздосадует.

– Велите пошевеливаться, мистер Буш! – крикнул Хорнблауэр.

– Есть, сэр, – спокойно отозвался Буш.

Это еще больше взбесило Хорнблауэра. За спокойным ответом он угадывал легкий укор, никому, кроме Буша с Хорнблауэром, незаметный. Буш выкладывается до предела, из матросов выжимает все – и Хорнблауэр это отлично видит. Он просто выплеснул раздражение. Сколько раз он наказывал себе не говорить офицерам ненужных слов – и вот опять. Чтобы это не повторилось, Хорнблауэр пошел в каюту, чего прежде делать не намеревался.

Часовой посторонился, пропуская его с полупалубы в спальную каюту. Она была просторна, так что помимо двенадцатифунтовой пушки свободно вмещала койку, письменный стол и рундук. Хорнблауэр прошел через спальню в следующую каюту, тоже просторную – строившие «Сатерленд» голландцы своих капитанов уважали. Она протянулась на всю ширину кормы, сквозь большие кормовые окна проникало солнце. От покрашенных в бежевый цвет переборок было светло и радостно – цветовую гамму удачно дополняли черные махины двенадцатифунтовок. Полвил, лежа на животе, убирал ящики с вином, ему помогали двое матросов. Хорнблауэр сумрачно взглянул на них, осознав, что не сможет пока уединиться на кормовой галерее – его будет видно из каюты.

Он вернулся в спальню, со вздохом повалился на койку, но не улежал – вскочил и пошел к письменному столу. Вытащил хрустящие бумаги, сел, принялся перечитывать.

Прибрежной эскадре в западном Средиземноморье от сэра Перси
Гилберта Лейтона, К. Б., контр-адмирала Красного Флага приказы...

Далее следовали обычные указания – ночные сигналы, кодовые сигналы, британские, испанские и португальские; места встречи на случай, если корабли потеряют друг друга из виду; пара строк о тактике боя в случае неприятельского нападения. Флагман будет сопровождать до Лиссабона грузовой конвой в Тахо – там Лейтон, вероятно, получит дальнейшие распоряжения. «Калигула» проводит в Маон транспорты «Гарриет» и «Нэнси». «Сатерленд» отправится с ост-индийцами до широты 35 градусов, а затем повернет к Гибралтарскому проливу. Место встречи – у мыса Паламос. Капитанов извещали, что андалузское побережье, за исключением Кадиса и Тарифы, захвачено французами, равно как и побережье Каталонии вплоть до Таррагоны. Капитанам предписывалось, входя в любой испанский порт, принимать предосторожности на случай нахождения там французов. К приказам прилагались инструкции для шкиперов каравана, в них говорилось почти то же самое.

Однако Хорнблауэру бумаги, которые он перебирал, рассказывали длинную и сложную повесть. Они говорили ему, что и сейчас, спустя пять лет после Трафальгара, Англия, владеющая величайшим в истории флотом, напрягает в борьбе последние силы. Корсиканец строит суда почти в каждом европейском порту – в Гамбурге, Антверпене, Бресте, Тулоне, Венеции, Триесте и еще в паре десятков мест. И за каждым из этих портов должны неусыпно следить побитые штормами британские эскадры – все сто двадцать линейных кораблей можно было бы задействовать на одну блокаду. А ведь в каждом заливчике, в каждой рыбацкой бухте вдоль половины европейского побережья укрываются каперы – иногда просто большие гребные лодки, полные вооруженных людей. Они ждут случая выйти в море и захватить беззащитное купеческое судно. Оберегая торговый флот, несут неусыпный дозор британские фрегаты, и всякое королевское судно, куда бы оно ни направлялось, обязательно хоть ненадолго берет под защиту купеческий караван. Чтобы победить в этой войне против всего мира, надо тщательно распределить силы, выверить каждый шаг, особенно сейчас, когда, напрягая все мускулы, Англия переходит в наступление. Ее войска идут маршем по Испании, и три линейных корабля, которые с трудом удалось оторвать от других насущных задач, должны атаковать уязвимый фланг, неосторожно подставленный Бонапартом при наступлении на Пиренейский полуостров. «Сатерленду» назначено стать острием копья, которое поразит деспота, подмявшего под себя весь Европейский континент.

Это все замечательно. Машинально Хорнблауэр заходил из угла в угол – голова опущена, чтобы не задевать палубный бимс, четыре шага вперед, четыре шага назад между двенадцатифунтовкой и дверью. Ему доверили почетное и ответственное задание, однако у него нет команды. Чтобы ставить паруса, как положено на королевском корабле, с быстротой и сноровкой, определяющей разницу между победой и поражением, требуется двести пятьдесят опытных моряков. А если все опытные моряки будут ставить паруса, кто встанет к пушкам? Чтобы палить с обоих бортов, надо еще четыреста пятьдесят артиллеристов – правда, половина из них могут быть необученными – и почти сто человек, чтобы подносить порох и выполнять другие обязанности по кораблю.

У него сто девяносто обученных моряков с «Лидии» и еще сто девяносто зеленых новобранцев. Пока «Сатерленд» стоял в порту, из старой команды двадцать человек сбежали, бросив невыплаченное жалование за два года и рискуя получить тысячу ударов кошкой. И это еще немного. У иных капитанов за время столь долгой стоянки дезертировали бы две трети. И тем не менее потеря была ощутимой. Ему нужно еще сто семьдесят матросов – сто семьдесят обученных матросов. Шесть недель, и он бы вымуштровал новичков – за исключением неизбежной доли безнадежных, больных, калек или придурков. Он бы сделал из них сносных моряков и артиллеристов. Но меньше чем через шесть недель, может быть – меньше чем через три, он будет сражаться у берегов Испании. Не исключено, что он завтра же схватится с неприятелем – ветер становится восточное, при таком ветре французская эскадра из Бреста запросто обойдет блокаду и не прочь будет поживиться лакомыми ост-индийцами. И вот французский корабль первого ранга, не испытывающий недостатка в матросах, сойдется рей к рею с «Сатерлендом» – матросов две трети от нужного числа, и каждый второй страдает морской болезнью...

Хорнблауэр вновь сжал кулаки. Отчаяние душило его. Он будет отвечать за любой провал, его будут презирать и (что столь же невыносимо) жалеть другие капитаны. Он алкал и жаждал пополнения, как проигравшийся картежник – злата, как юноша – возлюбленную. Теперь матросов ждать неоткуда. Отправив Джерарда в Сент-Ив и Редрут, он исчерпал последнюю возможность. Джерард привез пятьдесят человек, и это еще большая удача. С каравана не удастся снять ни одного. Правительственные транспорты в Лиссабон, правительственные грузовые суда в Маон, корабли Ост-Индской компании – все они под защитой закона. Хорнблауэр ощущал себя в клетке.

Он снова шагнул к письменному столу, вынул свой экземпляр вахтенного расписания – над этой бумагой они с Бушем промучились почти целую ночь. Успешное управление кораблем в условиях нехватки людей зависит главным образом от этого документа: знающих людей надо расставить в узловых точках, новичков равномерно распределить вокруг – пусть набираются опыта – но так, чтобы не чинили помех в работе. Фор-марс, грот-марс, бизань-марс, полубак и ют; обязанности каждого человека расписаны, при любом из тысячи возможных маневров, в непогоду и в ведро, среди бела дня или в ночи он без промедления займет свой пост, в точности зная, что ему делать. Знает он и свое место у пушки под командованием дивизионного офицера.

Хорнблауэр еще раз пробежал глазами вахтенное расписание. Удовлетворительно – пока. То была стабильность карточного домика: на первый взгляд все устойчиво, но малейшее изменение – и он рассыпался. Потери в бою или болезни мгновенно разрушат стройную систему. Хорнблауэр зашвырнул вахтенное расписание в стол; он вспомнил, что и без болезней каждые десять дней на корабле умирает матрос – от несчастных случаев и естественных причин только, не беря в расчет неприятельские действия. К счастью, умирать будут главным образом необстрелянные новички.

Хорнблауэр наострил уши. Сверху доносились хриплые приказания, свист боцманских дудок, дружный топот матросов – втаскивали на борт баркас. Уже некоторое время он

слышал странный звук, непохожий на визг шкивов в блоках. Он не сразу понял, что визжат свиньи – его и кают-компаний. Их наконец-то поднимали на борт. Слышалось также овечьё блеянье и петушиное «кукареку», сопровождаемое взрывами хохота. Он петуха не покупал, только кур, значит, это чей-то еще, кают-компанийский или мичманов.

Кто-то заколотил в дверь, Хорнблауэр схватил бумаги и плюхнулся на стул – не дай бог увидят, что он с волнением ожидает отплытия.

– Войдите! – рявкнул он.

В дверь просунулось перепуганное личико – то был Лонгли, племянник Джерарда, он впервые выходил в море.

– Мистер Буш говорит, только что кончили загружать припасы, сэр, – выговорил он тонким голосом.

Хорнблауэр, силясь не улыбнуться, с ледяным безразличием созерцал перепуганного мальчугана.

– Очень хорошо, – проворчал он и уткнулся в бумаги.

– Да, сэр, – после секундного колебания сказал мальчик, закрывая дверь.

– Мистер Лонгли! – взревел Хорнблауэр.

Детское лицо, еще более напуганное, снова возникло в двери.

– Заходите, юноша, – сказал Хорнблауэр сурово. – Заходите и встаньте смирно. Что вы сказали последним?

– Э... сэр... я сказал... мистер Буш...

– Ничего подобного. Что вы сказали последним?

Детское лицо сморщилось от натуги и тут же разгладилось – Лонгли понял, о чем его спрашивают.

– Я сказал «да, сэр», – произнес он фальцетом.

– А что должны были сказать?

– «Есть, сэр».

– Верно, очень хорошо.

– Есть, сэр.

Мальчик сообразителен и не теряет головы от страха. Если он научится управлять матросами, из него выйдет толковый уорент-офицер. Хорнблауэр убрал бумаги и запер ящик, еще несколько раз прошелся по каюте, выдерживая приличную паузу, и наконец поднялся на шканцы.

– Ставьте паруса, как будете готовы, мистер Буш, – сказал он.

– Полегче с гордеными, эй вы... вы...

Даже Буш дошел до той кондиции, когда брань не облегчает сердце. Корабль выглядит ужасающе, палубы грязны, команда валится с ног. Хорнблауэр, сцепив руки за спиной, тщательно изображал олимпийскую невозмутимость. По приказу «Все наверх паруса ставить!» унтер-офицеры погнали по местам отупевших от усталости матросов. Сэвидж, старший мичман, возмужавший у Хорнблауэра на глазах, криками подгонял готовую команду к фалам грот-марселя. Сэвидж был бледен, глаза его налились кровью – ночной кутеж в каком-то плимутском притоне не прошел ему даром. Крича, он прикладывал руку к затылку – шум явно его терзал. Хорнблауэр улыбнулся – несколько дней в море выветрят из юноши всякие следы попойки.

– Ютовый старшина! – хрипло орал Сэвидж. – Почему ютовая команда еще не на корме?! Живее, ребята, живее! Разобрать фалы грот-марселя! Эй, старшина судовой полиции! Пошлите на корму бездельников! Эй, оглохли, что ли?!

Рядом с Хорнблауэром по бизань-вантам побежал, увлекая за собой матросов, боцман-мат. Юный Лонгли на секунду замер, провожая его взглядом, потом скорчил решительную мину, прыгнул на выбенки и полез вверх. Хорнблауэр подметил быструю смену чувств –

сперва Лонгли испугался высоты, потом мужественно решил, что влезет везде, куда отваживаются влезть другие. Из этого мальчика будет толк.

Буш глядел на часы и с досадой жаловался штурману:

– Девять минут уже! Только поглядите на них. Пехотинцы, и те больше похожи на моряков!

Морские пехотинцы дальше на корме тянули крьюйс-фалы, выстукивая по палубе башмаками. Они работали, как солдаты, с солдатской выправкой, словно на учениях. Моряков это всегда забавляло, но не приходится отрицать, что сейчас от пехотинцев действительно больше проку.

Матросы перебежали от фалов к брасам. Рев Гаррисона известил, что якорь поднят. Хорнблауэр последний раз взглянул на флюгер – ветер сильно отошел к востоку. Обогнуть мыс Девил будет нелегко. Круто обрасопив паруса, «Сатерленд» повернулся и начал медленно набирать скорость. С лодок заголосили, заплескали платками женщины – жены, которых Хорнблауэр отправил на берег двадцать четыре часа назад, провожали своих мужей. На корме ближней лодки женщина без стеснения рыдала, рот ее был открыт, по щекам ручьями катились слезы. Очень может быть, она никогда больше не увидит своего благоверного.

– По сторонам не глазеть! – рявкнул Гаррисон, приметив, что кто-то из матросов замахал на прощание. Никому не дозволено отвлекаться.

Палуба под Хорнблауэром пошла вниз – это Буш положил корабль в самый крутой бейдевинд: впереди мыс Девил, как поведет себя «Сатерленд», неизвестно, значит, надо держаться как можно дальше на ветру. Стоило кораблю накрениться, и на Хорнблауэра волной нахлынули воспоминания. Лишь когда судно поднимет паруса, закачается под ногами палуба, зазвучит в ушах перестук блоков и пение такелажа – лишь тогда оживают в памяти тысяча и одна мелкая подробность морской жизни. Хорнблауэр тяжело сглотнул от волнения.

Они прошли совсем близко к мысу, на котором располагалась верфь. Рабочие побросали дела и принялись глазеть, но «ура!» не крикнул ни один. За семнадцать военных лет они насмотрелись на военные корабли, и «Сатерленд» не вызывал у них воодушевления. Сейчас на палубе оркестр должен бы играть «Рази, британец, метко» или «Бодрее, ребята, ко славе наш путь», но на музыкантов у Хорнблауэра не было денег, а звать горниста из морских пехотинцев и корабельного трубача, чтобы те устроили жалкий шум, он не собирался. Впереди открывался Стоунхауз-пул, за ним виднелись плимутские кровли. Где-то там Мария. Быть может, она видит обрасопленные круто к ветру белые паруса. Может быть, леди Барбара смотрит сейчас на «Сатерленд». Хорнблауэр вновь сглотнул. Порыв ветра со Стоунхауз-пул ударил кораблю почти в лоб. Корабль заартачился, но рулевой дал ему увалиться под ветер. Хорнблауэр взглянул направо. Они проходили до опасного близко к берегу – он не ошибся, «Сатерленд» действительно сильно дрейфует. Хорнблауэр наблюдал за ветром и за огибающим мыс отливом, поглядывал на мыс Девил за правой скулой. Как бы ни пришлось поворачивать оверштаг и лавировать от мыса. Буш уже открыл рот, чтобы скомандовать к повороту, когда Хорнблауэр понял, что мыс они пройдут.

– Пусть держит так, мистер Буш, – сказал он. Тихий приказ означал, что капитан берет руководство на себя, и Буш прикусил язык.

Они прошли в каких-то пятидесяти ярдах от буя, вода пенилась с подветренного борта, корабль сильно кренился. Хорнблауэр вмешался не для того, чтобы доказать свое превосходство в судовождении. Скорее он не мог видеть, как что-то делается небезупречно. Он лучше своего первого лейтенанта умеет хладнокровно просчитывать шансы – потому и в вист играет лучше. Впрочем, Хорнблауэр не анализировал сейчас своих побуждений и едва ли осознавал, что такие побуждения были – он никогда не думал о себе как о выдающемся навигаторе.

Теперь они держали прямо на мыс Девил. Хорнблауэр уже некоторое время не спускал с него глаз.

– Руль на левый борт! – приказал он. – И поставьте марсели, мистер Буш.

С ветром на траверзе они вышли в пролив, слева от них были зазубренные вершины Стэддона, справа – Эджкумский холм. Они приближались к открытому морю, ветер свежел, такелаж пел пронзительнее, «Сатерленд» заметней качался на пробежавших под днищем волнах. Слышно стало поскрипывание деревянного корпуса – на палубе различимое, внизу громкое и, наконец, настолько привычное, что ухо переставало его замечать.

– Черт бы побрал это мужичье! – простонал Буш, наблюдая за постановкой брамселей.

Миновали остров Дрейка с наветренной стороны. «Сатерленд» повернулся к нему кормой и с ветром на левой раковине двинулся к проливу. Брамсели еще не поставили, как уже поравнялись со следующим мысом и оказались перед заливом Каусенд. Вот и конвой – шесть ост-индийцев с крашеными орудийными портами, ни дать ни взять военные корабли, каждый под флагом Досточтимой компании, а один и вовсе под брейд-вымпелом, что твой коммодор, два флотских транспорта и еще четыре грузовых судна, направляющихся в Лиссабон. Немного мористее покачивались на якорях трехпалубники – «Плутон» и «Калигула».

– Флагман сигналист, сэр, – сказал Буш, не отрывая от глаза подзорную трубу. – Вы должны были доложить об этом минуту назад, мистер Винсент.

Они видели «Плутон» не больше тридцати секунд, но первый адмиральский сигнал действительно нужно было заметить быстрее.

– Позывные «Сатерленда», сэр, – прочел несчастный мичман в подзорную трубу. – «Отрицательный. Номер семь». Номер семь означает «встать на якорь», сэр.

– Подтвердите! – рявкнул Хорнблауэр. – Уберите брамсели и обстените грот-марсель, мистер Буш.

В подзорную трубу он видел, как суетятся на вантах дальних кораблей матросы. Через пять минут над «Плутоном» и «Калигулой» распустились паруса.

– В Норе снаряжались, чтобы им лопнуть, – проворчал Буш. В Норе, воротах крупнейшего морского порта, капитан имел наилучшую возможность пополнить команду первоклассными моряками – их снимали с купеческих судов, оставляя тем человек пять-шесть, только чтобы провести корабль вверх по реке. К тому же Болтон и Эллиот успели потренировать команду в пути. Они уже выходили из залива. По фалам флагмана бежали флажки.

– Каравану, сэр, – докладывал Винсент. – «Поторапливаться. Поднять якорь. Поднять все паруса соответственно погоде», сэр. Господи, пушка.

Сердитый раскат и облако дыма возвестили, что адмирал решительно требует внимания к своим сигналам. Ост-индийцы с их большой, по-военному вымуштрованной командой уже подняли якоря и расправили паруса. Транспорты, естественно, запаздывали. Кажется, остальным придется бесконечно наполнять ветром и класть на стеньгу паруса, но вот и последний транспорт выполз наконец из залива.

– Флагман опять сигналист, сэр, – сказал Винсент, читая флажки и справляясь с сигнальной книгой. – «Занять предписанную ранее позицию».

То есть на ветре от каравана, а поскольку ветер с кормы, значит, в арьергарде. Отсюда военные корабли всегда смогут броситься на выручку каравану. Хорнблауэр чувствовал на щеке посвежевший ветер. На флагмане уже подняли брамсели, теперь поднимали бом-брамсели. Придется делать то же самое, хотя ветер крепчает и бом-брамсели скоро придется убирать. Еще до заката будут брать рифы на марселях. Хорнблауэр отдал Бушу приказ. Гаррисон заорал: «Все наверх паруса ставить!» Новички ежились, и не удивительно – грот-бом-брамрей «Сатерленда» располагался на высоте ста девяноста футов над палубой, да еще и описывал головокружительные петли, поскольку корабль уже закачался на ла-маншских валах.

Хорнблауэр отвернулся и стал глядеть на флагман – невыносимо было видеть, как унтер-офицеры линьками загоняют перепуганных новичков на ванты. Он знал, что так должно. Флот не признает – не может признавать – слов «не могу» и «боюсь». Исключений не будет, и сейчас самое время вбить в сознание подневольных людей, что приказы исполняются неукоснительно. Попробуй начать с поблажек – и ничего другого от тебя ждать не будут, а на службе, где каждый в любую минуту должен быть готов добровольно пойти на смерть, послабления можно делать лишь опытной команде, способной их по достоинству оценить. И все же Хорнблауэр почти физически ощущал тошнотворный страх человека, который никогда не залезал выше стога и которого гонят на мачту линейного корабля. Жестокая, беспощадная служба.

– Мир раньше подпишут, – проворчал Буш, обращаясь к штурману Кристелу, – чем мы сделаем матросов из этих навозных жуков.

Большинство упомянутых навозных жуков еще три дня назад мирно обитали в своих лачугах и ни сном ни духом не помышляли о море. А теперь их мотает между свинцовым небом и свинцовым морем, в ушах свистит неистовой силы ветер, над головами грозно высятся мачты, под ногами скрипит древесина кренящегося корабля.

Они были уже далеко в море, с палубы виднелся Эддистоун, и под давлением прибавленных парусов «Сатерленд» качался все сильнее. Встретив скулой первую большую волну, он приподнял нос, винтообразным движением накренился на бок, пока та проходила под днищем, и головокружительно нырнул вперед, когда она прокатилась под кормой. На шкафуте завывали.

– Не на палубу, черт вас раздери! – заорал в ярости Гаррисон.

Неподготовленных людей укачивает особенно быстро. Хорнблауэр видел, как несколько бледных созданий, пошатываясь и оступаясь, кинулись к подветренному фальш-борту. Двое резко сели на палубу и обхватили руками голову. Корабль опять вошел в штопор, взмыл на волне и тут же ухнул вниз; душераздирающий вопль на шкафуте повторился. Казалось, это не кончится никогда. Хорнблауэр зачарованно наблюдал, как одного несчастного придурка выворачивает в шпигат. От этого зрелища в желудке потяжелело, он судорожно сглотнул. На лбу, несмотря на холод, проступил пот.

Его тоже укачает, причем в самом скором времени. Хорнблауэр хотел укрыться от всех, проблеваться в одиночестве, вдали от посторонних глаз. Он взял себя в руки, чтобы заговорить с обычным ледяным безразличием, но вместо этого получился какой-то неуместный задор.

– Продолжайте, мистер Буш. Если я понадоблюсь, позовите.

За долгую стоянку в порту он разучился ходить по качающейся палубе – его мотало из стороны в сторону; спускаясь по трапу, он обеими руками цеплялся за поручни. Наконец он благополучно добрался до полупалубы и ввалился в каюту, запнувшись о комингс. Полвил накрывал к обеду.

– Убирайся! – рявкнул Хорнблауэр. – Вон!

Полвил исчез, Хорнблауэр вывалился на кормовую галерею, уцепился за поручень и свесился головой к пенистой кильватерной струе. Он ненавидел морскую болезнь не только за причиняемые ею страдания, но и за крайнюю унижительность. Тщетно уговаривал он себя, что и Нельсон подобным же образом мучился в начале каждого плавания, тщетно напоминал, что всегда выходит в море до предела вымотанным и морально, и физически, потому и становится жертвой морской болезни. Все это было так, однако ничуть не утешало. Он со стоном перегнулся через поручень. Ветер хлестал его.

Теперь, когда задул норд-ост, Хорнблауэр дрожал от холода: толстый бушлат остался в спальной каюте, идти за ним не было сил. Полвила звать не хотелось. Вот оно, с горькой иронией думал он, блаженное уединение, к которому он стремился от сложностей сухопут-

ной жизни. Внизу стонали в цапфах рулевые крюки, под кормовым подзором пузырилась, словно в бродильном чане, белая пена. Барометр падал со вчерашнего дня, дело явно шло к штормовому норд-осту. Будущее не сулило никакого просвета, и Хорнблауэру казалось: сейчас он отдал бы все на свете за тихую гладь устья реки Теймар.

Небось офицеров его никогда не укачивает, а если укачивает, то просто рвет, и они не испытывают таких душераздирающих страданий. На баке мучаются морской болезнью двести человек новичков, их неумолимо подгоняют безжалостные офицеры. Лучше, чтобы тебя заставляли трудиться, невзирая на морскую болезнь, лишь бы, как в данном случае, это происходило без ущерба для дисциплины. Хорнблауэр был абсолютно уверен, что никто на борту не испытывает и половины его мучений. Он опять перегнулся через борт, стена и чертыхаясь. Опыт говорил, что через три дня будет в отличной форме, но сейчас эти три дня представлялись вечностью. А древесина скрипела, руль стонал, ветер свистел, все сливалось в адском грохоте, и Хорнблауэр, дрожа, цеплялся за поручни.

Глава VI

Когда прошел первый приступ дурноты, Хорнблауэр заметил, что ветер, несомненно, крепчает. Он был порывистым, с дождевыми шквалами, и капли молотили по кормовой галерее. Хорнблауэр внезапно встревожился – что случится, если налетит шквал посильнее, а необученная команда не успеет убрать паруса? Мысль, что он может на глазах у всего каравана постыдно лишиться мачты, пересилила даже морскую болезнь. Машинально он прошел в каюту, надел бушлат и выбежал на палубу. Буша уже сменил Джерард.

– Флагман убавляет паруса, сэр, – сообщил он, козыряя.

– Очень хорошо! Уберите бом-брамсели, – приказал Хорнблауэр, оглядывая горизонт в подзорную трубу.

Караван вел себя, как всякий караван, – растянулся по ветру, словно шкипера только и мечтают сделаться добычей каперов. Индийцы держались более или менее организованной кучкой в миле под ветром, но шесть других кораблей вырвались далеко вперед – видны были только их паруса.

– Флагман сигналил конвою, сэр, – сказал Джерард.

Хорнблауэр чуть было не ответил: «Этого я и ожидал», но вовремя сдержался и ограничился односложным «да». Новая вереница флажков побежала по фалам «Плутона».

– Позывные «Калигулы», – читал сигнальный мичман.

– «Прибавить парусов. Занять позицию впереди конвоя».

Значит, Болтона посылают вперед, призвать к порядку ослушников. «Калигула» вновь поставил бом-брамсели и понесся по сердитому морю вдогонку непокорным транспортным судам. Болтону придется подойти на расстояние окрика, а возможно, и выпалить разок из пушки; шкипера торговых судов если и умеют читать флажки, предпочитают их не замечать. Индийцы тоже убрали бом-брамсели – они имели удобное обыкновение убавлять на ночь паруса. Счастливо обладая монополией на торговлю с Востоком, они могли не торопиться и, оберегая покой изнеженных пассажиров, не тревожили их ночными свистками и топотом. Но внешне это выглядело так, будто они замышляют еще дальше отстать от «Калигулы», «Плутона» и транспортов. Любопытствуя, как поведет себя адмирал, Хорнблауэр направил подзорную трубу на «Плутон».

Разумеется, тот разразился очередной вереницей флажков, адресованных непокорным индийцам.

– Бьюсь об заклад, он жалеет, что не может отдать их под трибунал, – со смешком сказал один мичман другому.

– По пять тысяч фунтов за рейс получают их капитаны, – был ответ. – Что им адмирал? Господи, кто по своей воле предпочел бы флот?

Приближалась ночь, ветер крепчал, и по всему выходило, что караван разбредется в самом начале плавания. Хорнблауэру подумалось, что адмирал проявил себя нелучшим образом. Нельзя было отпускать транспорты вперед, флот не принимает оправданий, и посему сэр Перси Лейтон виноват. Интересно, как бы он сам поступил на его месте? Ответа Хорнблауэр так и не придумал, ограничившись признанием глубокой истины, что дисциплина не определяется правом отдать под трибунал. Он не считал, что сам справился бы лучше.

– Вымпел «Сатерленда», – прервал его мысли сигнальный мичман. – «Занять... ночную... позицию».

– Подтвердите, – сказал Хорнблауэр.

Исполнить это было несложно. Ночью «Сатерленду» полагалось находиться в четверти мили на ветре от каравана. Сейчас он как раз двигался к позиции позади индийцев.

«Плутон», следуя в кильватере «Калигулы», обогнал их – видимо, адмирал решил использовать свой корабль как связующее звено между двумя половинками разорванного конвоя. Быстро темнело, ветер по-прежнему крепчал.

Хорнблауэр попробовал пройтись по качающейся палубе, чтобы хоть немного согреться и унять озноб; пока он стоял без движения, опять напомнил о себе желудок. Он вцепился в поручень, преодолевая дурноту. Меньше всего ему хотелось, чтобы его стошнило перед ироничным красавцем Джерардом. Голова кружилась от усталости и морской болезни. Он подумал, что если ляжет, то наверняка уснет и во сне позабудет свои мучения. Теплая и уютная койка манила все сильнее. Однако он через силу оставался на палубе, пока в быстро сгущающемся сумраке не убедился, что корабль занял предписанную позицию. Тогда он повернулся к Джерарду:

– Уберите брамсели, мистер Джерард.

Он взял сигнальную доску и, стараясь не думать про мятежный желудок, тщательно вывел подробнейшие указания для вахтенного, все, какие только мог измыслить. Они сводились к тому, чтобы держаться на ветре от каравана и не терять его из виду.

– Вот приказы, мистер Джерард. – На последнем слове голос дрогнул, и ответного «есть, сэр» он, сбегая по трапу, уже не слышал.

Желудок был пуст, поэтому рвало особенно мучительно. Когда Хорнблауэр, пошатываясь, вернулся в каюту, туда сунулся было Полвил. Хорнблауэр обругал его страшными словами и велел убираться вон, затем повалился на койку и пролежал пластом минут двадцать, прежде чем с усилием встал, стянул бушлат, сюртук и в рубашке, жилете и штанах со стоном забрался под одеяло. «Сатерленд» несся на фордевинд, немилосердно качаясь, древесина стенала и жаловалась на разные голоса. Хорнблауэр сжимался всякий раз, как корабль взлетал на волне и койка, на которой он лежал, взмывала футов на двадцать вверх, чтобы тут же устремиться вниз. Однако, поскольку он не мог мыслить последовательно, изнеможение все-таки взяло верх. Он так устал, что заснул мгновенно, невзирая на качку, шум и дурноту.

Спал он так глубоко, что, проснувшись, сперва не понял, где находится. Первым делом он ощутил знакомую и в то же время неожиданную качку. Сквозь распахнутую дверь из кормовой галереи проникал серый полусвет. Хорнблауэр, моргая, огляделся. Одновременно он вспомнил, где находится, и ощутил позыв к рвоте. Он осторожно встал, шатаясь прошел через каюту к поручням галереи и под пронизывающим ветром стал страдальчески вглядываться в серое, освещенное первыми рассветными лучами море. Не видно было ни паруса; он так испугался, что сразу пришел в себя. Натянув сюртук и бушлат, вышел на шканцы.

Джерард все еще был здесь, значит, не кончилась его вахта. Хорнблауэр угрюмо кивнул на приветствия Джерарда и стал глядеть вперед, на испещренное белыми барашками серое море. В такелаже свистел ветер, крепкий, не настолько, впрочем, чтобы брать рифы на марселях. Он дул прямо с кормы, в спину стоящему у резного поручня Хорнблауэру. Впереди неровным строем двигались четыре индийца, потом Хорнблауэр различил пятый и шестой больше чем в миле по курсу. Ни флагмана, ни грузовых судов, ни «Калигулы» – ничего видно не было. Хорнблауэр поднял рупор.

– Эй, на мачте! Флагман видите?

– Нет, сэр. Ничего не видать, сэр, кроме индийцев, сэр.

Вот оно как, подумал Хорнблауэр, вешая рупор на место. Многообещающее начало кампании. Судя по курсовой доске, «Сатерленд» всю ночь строго держался выбранного направления, в вахтенном журнале была отмечена скорость то восемь, то девять узлов. Погода ясная, скоро они увидят Уэссан – Хорнблауэр сделал все, что от него требовалось. Индийцы в пределах видимости, он идет одним с ними курсом, паруса соответствуют погоде. Он был бы больше в этом уверен, если бы не тошнотворная тяжесть в желудке, а так вызванная морской болезнью хандра нагоняла дурные предчувствия. Если начальству

потребуется козел отпущения, выберут его. Он прикинул силу ветра и решил, что неразумно прибавлять парусов и догонять остальной караван. Мысль, что нет способа оградить себя от будущих нареканий, успокоила. Он даже приободрился. Жизнь в море научила его философски принимать неизбежное.

Пробило восемь склянок, позвали подвахтенных. Буш вышел сменить Джерарда на шканцах. Хорнблауэр почувствовал на себе пристальный взгляд первого лейтенанта и сделал суровое лицо. Он взял себе за правило не говорить без необходимости и так был этим правилом доволен, что намеревался следовать ему и впредь. Вот и теперь он с удовольствием не обращал внимания на Буша, который нет-нет да и поглядывал на него озабоченно, словно пес на хозяина, готовый в любую минуту откликнуться. Тут Хорнблауэру пришло в голову, что выглядит он довольно жалко: взъерошенный, небритый и, вероятно, зеленый от морской болезни. В расстроенных чувствах он зашагал вниз.

В каюте он сел и закрыл лицо руками. Мебель раскачивалась в такт скрипению переборок. Пока он не смотрел на качающиеся предметы, его, по крайней мере, не выворачивало. После Уэссана можно будет лечь и закрыть глаза. Тут вошел Полвил, балансируя подносом, как заправский жонглер.

– Завтрак, сэр, – объявил Полвил и продолжил словоохотливо: – Не знал, что вы встали, сэр, пока левая вахта не сообщила мне по пути вниз. Кофе, сэр. Мягкий хлеб, сэр. На камбузе горит огонь, если пожелаете, сэр, я в два счета поджарю ломтики.

Хорнблауэр с внезапным подозрением взглянул на слугу. Полвил не предложил ему ничего, кроме хлеба – ни отбивной, ни ветчины – ничего из тех вкусных и дорогих вещей, на которые капитан так безрассудно раскошелился. А ведь Полвилу известно, что он со вчерашнего дня ничего не ел, и Полвил имеет обыкновение пичкать его даже чрезмерно. С чего бы это Полвил вдруг предлагает ему французский завтрак? Под взглядом Хорнблауэра обычно невозмутимый Полвил потупился – это подтверждало подозрение. Для Полвила не тайна, что его капитана укачивает.

– Поставьте на стол, – буркнул Хорнблауэр, не в силах сказать что-либо еще.

Полвил поставил поднос, но не уходил.

– Когда вы мне понадобится, я позову, – сказал Хорнблауэр сурово.

Сжав руками виски, он попробовал припомнить вчерашний день. Не только Полвил, но и Буш с Джерардом – а значит, и вся команда – знают о его слабости. Стоило задуматься, и он припомнил кой-какие мелочи, утвердившие его в этой догадке. Сперва он просто расстроился, даже застонал. Потом разозлился. Наконец верх взяло чувство юмора, и Хорнблауэр улыбнулся. Тут ноздрей достиг приятный аромат кофе. Он потянул носом: запах пробуждал одновременно голод и отвращение. Победил голод. Хорнблауэр налил и отхлебнул кофе, тщательно избегая останавливаться взглядом на качающихся предметах. Почувствовав в желудке блаженную теплоту, он машинально откусил хлеба и, только очистив поднос, засомневался, стоило ли это делать. Однако удача ему сопутствовала: не успела накатить новая волна дурноты, как в дверь постучал мичман и сообщил, что видно землю. Начав действовать, Хорнблауэр позабыл о морской болезни.

С палубы Уэссан был еще не виден, только с мачты, а лезть по вантам Хорнблауэр не собирался. Ветер свистел перебирая натянутые тросы у него над головой. Он глядел на серое море, туда, где лежала за горизонтом Франция. Из всех приметных морских ориентиров остров Уэссан, быть может, чаще других фигурировал в английской морской истории: Дрейк и Блейк, Шовел и Рук, Хоук и Боскауэн, Родни, Джервис и Нельсон каждый в свое время глядели отсюда на восток, как сейчас Хорнблауэр. Три четверти британского торгового флота огибали Уэссан на пути в дальние края и возвращаясь домой. Лейтенантом под началом Пелью Хорнблауэр мотался на «Неустанном» в виду Уэссана во время блокады Бреста. В этих самых водах «Неустанный» и «Амазонка» загнали «Друа-де-л'ом» в полосу прибоя,

отправив на тот свет тысячу французских моряков. Подробности этого яростного сражения тринадцатилетней давности он помнил так же отчетливо, как бой с «Нативидадом» всего шесть месяцев назад, – признак надвигающейся старости.

Хорнблауэр стряхнул накатившую на него задумчивость и занялся делами: проложил курс на Финистерре и заставил индийцев ему следовать – первое оказалось значительно проще второго. Целый час пришлось сигналить и даже палить из пушки, прежде чем ведомые удовлетворительно повторили сигналы, Хорнблауэру казалось, что шкипера нарочно не понимают сигналов, перевирают или оставляют без внимания. «Лорд Морнингтон» десять минут держал сигнал приспущенным, словно нарочно, чтобы его было не прочесть. Только когда «Сатерленд» приблизился почти на расстояние окрика, а Хорнблауэр дошел до точки кипения, сигнальный фал наконец распутали и подняли флажки правильно.

Видя это, Буш язвительно хохотнул и заметил, что индийцы еще бестолковой военного корабля в начале плавания, но Хорнблауэр сердито затопал прочь, оставив Буша таращиться ему вслед. Нелепое происшествие разозлило Хорнблауэра: он боялся, что сам выглядит нелепо. Зато он на время позабыл про морскую болезнь и только простояв некоторое время в одиночестве у правого борта – Буш тем временем отдавал приказы, по которым «Сатерленд» вернулся к позиции на ветре от каравана, – и успокоившись, вновь ощутил тревожные симптомы. Он уже шел вниз, когда внезапный крик Буша вернул его на шканцы.

– «Уолмерский замок» привелся к ветру, сэр!

Хорнблауэр поднял подзорную трубу и направил ее за левый борт. «Уолмерский замок» – передовой корабль каравана – был от «Сатерленда» дальше всего, милях примерно в трех. Ошибиться было невозможно – корабль повернул и теперь неся в наветренную сторону.

– Они сигналият, сэр, – сказал Винсент. – Но я не могу прочесть. Может быть, номер двадцать девять, что означает «прекратить сражение» – не это же они хотят сказать.

– Эй, на мачте! – заорал Буш. – Что видите на левой скуле?

– Ничего, сэр!

– Этот сигнал спустили, сэр, – продолжил Винсент. – Вот подняли новый. Номер одиннадцать, сэр. «Виджу неприятеля».

– Эй, Сэвидж, – сказал Буш. – Берите подзорную трубу и лезьте на мачту.

Следующий корабль в рассыпанной колонне тоже привелся к ветру. Сэвидж был на середине вант, когда впередсмотрящий закричал:

– Виджу их, сэр! Два люгера на левой скуле.

Люгеры возле Уэссана – французские каперы и никто больше.

Быстрые, маневренные, с большой командой, опытом не уступающей британскому флоту, они пойдут на любую опасность, лишь бы захватить богатенького ост-индийца. Такая добыча озолотит их капитанов. Буш, Винсент и все остальные на палубе взглянули на Хорнблауэра. Если он потеряет хоть один из доверенных его заботам кораблей, то безнадежно уронит себя в глазах Адмиралтейства.

– Свистать всех наверх, мистер Буш, – сказал Хорнблауэр. Взволнованный приближением боя, он позабыл о драматической стороне дела и не рисовался перед подчиненными; впрочем, занятый расчетами, он и так не обнаружил волнения.

Все индийцы несут пушки – у «Лорда Морнингтона» так по восемнадцать орудийных портов в каждом борту, – и на большом расстоянии они от капера отобьются. Поэтому люгеры постараются взять их на абордаж – ни абордажные сетки, ни команда торгового судна не остановят снедаемых алчностью французов. Люгеры будут маневрировать, чтобы отрезать кого-то из индийцев от «Сатерленда», – пока тот будет лавировать против ветра, французы захватят судно и уведут из-под самого его носа. До этого доводить нельзя, однако

индийцы тихоходны, команда «Сатерленда» необучена, а французы маневрируют с быстротой молнии – к тому же их двое, отбиваться придется сразу от обоих.

Теперь и с палубы можно было различить над самым горизонтом темные прямоугольники обрасопленных круто к ветру парусов. Они приближались, исполненные угрозы, и Хорнблауэр уже различал не одни призрачные силуэты на фоне ясного неба. Люгеры были малы, не больше чем на двадцать пушек каждый, да и то девятифунтовок – подойди они близко к «Сатерленду», тот потопил бы их двумя бортовыми залпами. Но они быстроходны – над горизонтом как раз показались их корпуса, и Хорнблауэр различал белую воду под водорезами. Люгеры шли по меньшей мере на румб круче к ветру, чем это возможно для «Сатерленда». На каждом человек полтораста, если не больше: каперам не приходится заботиться об удобствах для команды, достаточно выскользнуть из порта, захватить приз и скрыться обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.